Геннадий Мурзин

Псы одичалые

Уральский криминальный роман

Геннадий Мурзин

Псы одичалые. Уральский криминальный роман

«Издательские решения»

Мурзин Г.

Псы одичалые. Уральский криминальный роман /
Г. Мурзин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-904304-7

«Псы одичалые» — первый криминальный роман из авторского цикла «Крутой уральский детектив». В книге есть все: и убийства, и перестрелки, причем в центре Екатеринбурга, и подлость, и предательства. В основе — неожиданное и непонятное убийство начальника областного управления уголовного розыска, причем, убийство днем, прямо в подъезде своего дома. Дерзость? Да. Кто убийца? Может, за убийцами стоят заказчики? Интрига сохраняется буквально до последней главы.

ISBN 978-5-44-904304-7

© Мурзин Г.
© Издательские решения

Содержание

Пролог 6
Глава 1 9
Труп в подъезде дома 9
Бесстыдница 9
Работодатели 10
Участковый 12
Славка 13
За осмотром 15
Сосунок 19
Беда 22
Встреча 24
Веселуха 26
Гостенек 28
Глава 2 33
«Святая троица» уже в Екатеринбурге 33
Не повезло 33
Прохвост 34
Эксперт 35
Глава 3 38
Начальство и подчиненные 38
В лаборатории 38
Орешек 38
Поиск 40
Глава 4 44
Алексеев подводит некоторые итоги 44
Свидетель 44
Глава 5 49
Влюбленный спешит на помощь 49
Обольстительница 49
Воробышек 52
Захват 53
Кипиш 55
Глава 6 57
Кто в тереме живет? 57
Парильщики 57
На прицеле 58
Хозяева 60
Глава 7 61
Дело набирает обороты 61
Просьбица 61
Расслабление 62
Конец ознакомительного фрагмента. 63

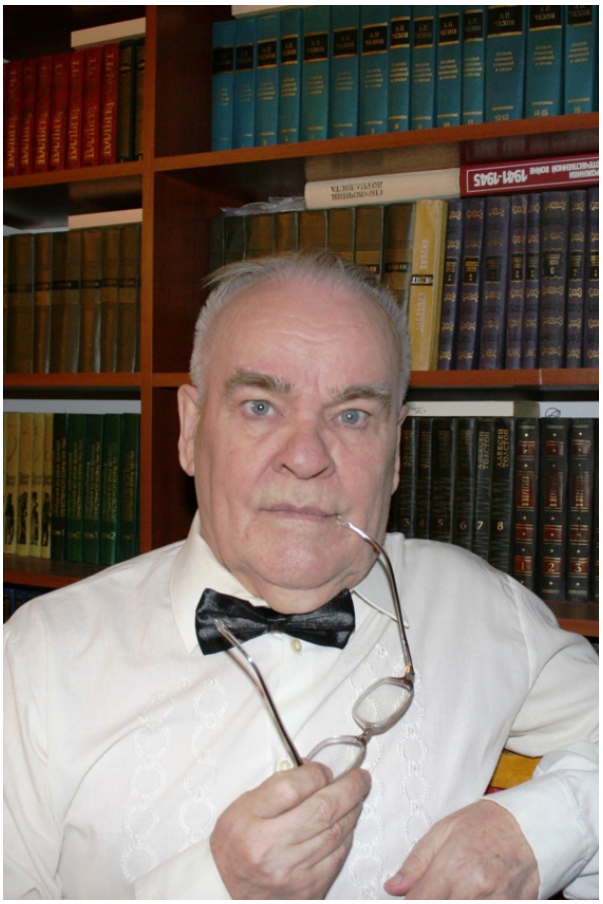
Псы одичалые
Уральский криминальный роман

Геннадий Мурзин

Редактор Геннадий Мурзин
Корректор Геннадий Мурзин
Фотограф Геннадий Мурзин

© Геннадий Мурзин, 2018
© Геннадий Мурзин, фотографии, 2018

ISBN 978-5-4490-4304-7
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero



Геннадий Иванович Мурзин (автопортрет) – известный уральский публицист и литератор. На его счету более двадцати изданных книг, в том числе любовные и детективные романы. Отзывы и пожелания автор ждет на электронную почту – gimur@list.ru.

Пролог

Бежит он по улице, поджав меж лап пушистый хвост. Бежит и подрагивает. Трусит и опасливо озирается. Трусит и дума у него одна: чем бы утолить голод. Ему одиноко и тревожно среди нас. Каких-то три дня назад он имел все: теплый угол в прихожей, свой мягкий коврик и хозяев, наполняемых его миску вкусной едой, а сегодня ему улица – дом родной.

Рад был бы понять, почему так случилось, что оказался без крыши над головой, без персональной мисочки с овсянкой или вкусным мясным супом, без обожаемого им хозяина? Не понимает. Не может никак понять. Он ли не поклонялся хозяину?! Он ли не обожал хозяйку?! Разве не он, всякий раз выбегая на прогулку, хвастливо взлаивал, сообщая сопленникам, как ему счастливо живется. И вот…

Три дня назад (ему кажется, что тогдашнее утро он не забудет никогда) хозяин, как обычно, вывел его на прогулку. Он, справив первым делом большую нужду, стал носиться вокруг хозяина, прыгать, повизгивая, ему на грудь, стараясь дотянуться и лизнуть его подбородок. Заглядывая в хозяйские глаза, замечал в них что-то тревожное. Ему чудилось, что его обожаемый хозяин им недоволен, зол и совсем не рад его чувствам.

Потом, вместо того, чтобы отправиться домой, хозяин, открыв дверцу машины, позвал и приказал занять заднее сидение. Он вздрогнул, когда хозяин с треском захлопнул за ним дверцу. Они куда-то поехали. Ехали долго. Он, чинно сидя сзади, совсем не глядел по сторонам. Он любовался своим хозяином. Иногда, правда, вытянув мордочку, дотрагивался холодным влажным носом до его уха, намекая, как он обожает своего покровителя. Тот никак не реагировал.

Вот машина остановилась. Хозяин вышел, а он (по старой привычке) остался сидеть. Но хозяин приоткрыл вторую дверцу. Понял, что хозяин хочет, чтобы и он вышел из машины. Взлаивая и вертя хвостом, он тотчас же выскочил. Он помнит и последнюю команду хозяина: «К ноге!» Он выполнил команду и послушно занял свое место – справа от хозяина. Хозяин склонился над ним, расстегнул ошейник и бросил в машину. Он посмотрел хозяину в глаза: «Зачем? Что это значит?» Хозяин не сказал ни слова, а пошел. Он, совсем не понимая хозяина, поплелся за ним. Прошли сколько-то метров. И хозяин скрылся за незнакомой ему дверью. Он остался ждать хозяина, глядя в одну точку, – на дверь. А вскоре ему показалось, что машина, на которой он приехал сюда, сорвавшись с места, куда-то умчалась. Он, посмотрев на дверь, за которой его хозяин, пошевелил в недоумении ушами. Решил сбегать на стоянку и убедиться, его ли машина умчалась? Сомнения развеялись: машины хозяина нет на месте.

Он вернулся к дверям, за которыми скрылся хозяин. Он просидел весь день и всю ночь возле двери. Много людей вышло, но его хозяина среди них не было. Он устал ждать. Он попробовал поискать следы хозяина, однако они обрывались на автомобильной стоянке.

И стал он с той поры бездомным и бесхозным…

Он суетливо мечется из стороны в сторону, надеется, что кто-нибудь из прохожих сжалится и бросит ему остатки вкусной булочки или осчастливит свеженькой косточкой. Не видят, не хотят видеть люди его милостиво просящий взгляд. Он, чтобы обратили внимание, временами садится и сосредоточенно начинает выискивать несуществующих блох. Нет пока их у него. Он лишь хочет сказать всем: глядите, мол, как люблю себя обихаживать, какой чистюля! Сидит и косит глаз: не заметили? Нет, все проходят. Проходят равнодушно. Ему трудно понять, что у людей полно своих забот.

…Он вскакивает и бежит дальше. Вот магазин, из которого несутся вкусные запахи. Останавливается и садится у двери. Он, облизываясь, встречает каждого выходящего.

Глаза его красноречивы: подайте сирому и убогому! Унизительно так-то вымаливать подачку, но голод – не тетка.

Сидит он так, сидит и тут, о, удача! Мужик какой-то, заметив умоляющий взгляд, полез в сумку, достал связку сосисок, оторвал одну и бросил ему под ноги. Он жадно схватил и моментально, не жуя, проглотил. Поднял голову вверх, а мужика и след простыл. Взвизгнув от огорчения, остался сидеть.

И тут он видит, что рядом пробегает его сородич. Останавливается. Глухо рычит. И спрашивает:

– Бомжуешь?

Он виновато складывает уши и опускает мордочку.

– Выходит, что…

– Попрошайничаешь?

– Как видишь.

– Худо, брат. Не дело.

– Жрать сильно хочется.

Сородич чешет за ухом и говорит:

– Айда со мной.

– Это куда?

Сородич игнорирует вопрос.

– Служить, конечно, придется много, однако кормёжка справная. Мы – не голодаем.

Сородич вскочил и побежал, не оглядываясь. Он – следом. Им управляло нестерпимое чувство голода, перебороть которое даже не смогло природное отвращение к подобного сорта соплеменникам.

Бежали долго. Сначала шли большие дома, потом – поменьше и, наконец, совсем маленькие. За ними – большая поляна и лес. Лес, в который они углубились, – мрачно-дремучий. По нему, петляя, бежали также долго. Продравшись сквозь чащобу, оказались на полянке, где лежала разномастная стая. При их приближении, почуяв чужака, стая ощетинилась, недружественно зарычала на все голоса. Сородич, за которым бежал он, остановился. Гавкнув дважды, сородич кому-то (по его мнению, главному) сказал:

– Вот… новичок… завербовал… примите.

– Из каких он? – недовольно рыкнув, спросил главный.

– Из бомжей, – ответил вербовщик; повернувшись в его сторону, тихо, чтобы главный не услышал, прорычал. – Пригни шею… Опусти голову и подожми хвост… Предстал не перед шавкой, а вожаком.

Вожак лениво встал, зевнул, потянулся, подошел к новичку, обнюхал, оскалив пасть, хотел было куснуть для порядка, однако новичок непокорно также оскалился, давая сразу понять, что он не шавка и не позволит даже вожаку, с его страшными клыками, насильничать над собой.

Вожаку понравилось: конечно, воспитывал у всех покорность, однако и гордых почитал.

Вожак удовлетворенно зарычал. И пригласил на трапезу.

А уже через несколько часов новичок бежал вместе со всеми на первое свое дело. Показал новичок себя хорошо. Заслужил одобрительного шлепка по холке от вожака, когда ухватил свою жертву так, что кровь брызнула во все стороны. Вражеская кровь пришлась и ему по вкусу. Как он убедился, в стае – совсем не страшно.

Путь, которым пришел в стаю новичок, не единственный и не основной. Другие никогда прежде не имели хозяев, и пришли естественным путем – путем самовоспроизводства.

Стая, куда он попал, оказалась сильной, злобной, а потому держала всех в страхе и повиновении. Нет, это оказались не просто одичавшие псы, а псы, зараженные опасной для окружающих болезнью, – бешенством.

Эта зараза не обошла стороной и его, новичка. Этого следовало ожидать. Бешенство – неотъемлемая часть дикарей, не признающих ни норм, ни правил, ни законов. Природа не знает средств профилактики, поэтому не противостоит. Гибнут бешеные псы или оказываются на какое-то время в лечебных изоляторах, где, якобы, их пытаются излечить от бешенства. Все напрасно. Оказавшись на воле, берутся за прежнее.

Собака – друг человека. Это так. Однако, одичав и заполучив вирус бешенства, становится злейшим и опаснейшим врагом, врагом хитрым, ловким, умным и коварным. Такому врагу, особенно, если он в крепко сколоченной стае, противостоять трудно и на пути лучше не попадаться.

Прибегнуть к отстрелу? Но, заявляют защитники, – это негуманно: жизнь, данная Богом, может быть отнята им самим и больше никем. Может, защитники и правы. Но…

Мы таким вот образом дискутируем, а они, тем временем, раз за разом выходят на дело, выходят смело, не страшась ни Бога, ни дьявола.

…Жизнь (не только в глухом бору) становится все более опасной, все более рискованной, все более непредсказуемой.

Глава 1

Труп в подъезде дома

Бесстыдница

Он дохлёбывал остатки борща, столь любимого им, когда на кухне появилась жена. Жена только-только из-под утреннего душа. От нее веет свежестью и еще чем-то неуловимым, однако необыкновенно приятным и знакомым. На ней – полупрозрачный розовый пеньюар (подарок мужа, когда-то привезенный из Москвы), струящийся легким облачком по ее все еще стройному, хотя и начавшему полнеть, телу. Она, заложив за голову ладони, медленно, будто ленясь, потянулась. Пеньюар раскрыл свои створки и…

Он, покосившись в ее сторону, отвернулся и пробурчал:

– Бесстыдница…

Хотел, кажется, еще что-то добавить, более весомое и аргументированное, но передумал. От жены он – без ума. Без ума – вообще, а тут, в частности, когда перед ним этакая прелесть, теряет рассудок. Нравится, когда, как вот сейчас, смыта «штукатурка» и предстает в своем естестве. Несмотря на сорок с хвостиком и двоих детей, жена по-прежнему очаровательна и на нее многие заглядываются. Наблюдая со стороны, как мужики облизываются, ревнует и, одновременно, гордится. У мужиков, при одном только взгляде, начинается обильное слюневыделение. Многие, не скрывая, завидуют, намекая, что тому сильно-таки повезло с женой. Говоря по чести, любит он жену не столько за красу ее природную, сколько за мягкость характера и домовитость, за понимание его и душевность к нему. Он искренне уверен, что недостоин такой жены.

– Еленка, – хвастаясь, говорит он знакомым, когда те речь заводят о жене, – мой зам по тылу. А тыл в моей ситуации – наиглавнейшее дело.

Это сущая правда: тыловое обеспечение на высочайшем уровне, а потому за дом, за семью он ничуть не волнуется. Знает, что дети (у него дочь Машенька двенадцати и сын Никитушка десяти лет) ухожены и под приглядом. Знает, когда бы не пришел домой, ночью или под утро, а такое бывает, что его ждет горячий и потрясающе вкусный обед. Знает, что в доме всегда прибрано, а его рубашки – чистёхоньки, отутюжены так, что никакой придира и морщинки-складочки не найдет.

Жена, улыбнувшись (заметила, как тот стыдливо отвернулся), присела, запахнув небрежно полы пеньюара, рядом на табурет. На красиво и аристократически тонко изогнутых дугах бровей все еще висели крохотные капельки.

– Почему «бесстыдница»? Ты – муж или не муж?

Он, хмыкнув, пробурчал:

– А если бы дети?..

– Дрыхнут без задних ног.

– Все равно, – упрямо сказал муж.

Услышав, что муж ложкой усердно скребет дно тарелки, встала, подошла к духовке, достала из нее сковородку с домашними пожаренными котлетами (не переносит муж паровые котлеты, ему подавай жареные, причем жареные на сливочном масле), картофелем-фри, зеленым горошком, маринованным огурчиком и поставила перед мужем.

– Да, – вспомнив, муж поднял глаза, – почему, как ты изволила выразиться, все еще дрыхнут? Им не в школу разве?

– Рано еще. Пусть чуть-чуть понежатся в постели.

– Балуешь, – притворно проворчал муж и глянул в окно. – Хмуро… Пожалуй, побрызгает… Может, пылищу прибьет, а то дышать в городе нечем.

– Не забудь взять зонтик, – напоминает жена, хотя прекрасно знает, что муж зонтик все равно не возьмет: руки, почему-то считает он, всегда должны быть свободны. Она спросила после паузы. – Когда объявишься – сегодня или уже завтрашним утром?

– А что? Неужто скучаешь? Или, может, ревность гложет?

– Нет…

– Обидно, когда по тебе не скучают, – муж притворился обиженным, вздохнул.

– Скучаю, ясное дело, но не ревную.

– Почему не ревнуешь? Не веришь, что какая-нибудь бабенка позарится на такого никудышного мужичка?

– Не в том дело.

– А в чем?

– Ты, Васечка, не мужик, а неприступно высокая гранитная скала, взобраться на которую не так-то просто бабе.

– А тебе удается.

– А чего мне это стоит?

– Ладно, шутки в сторону. Почему интересуешься моим возвращением, еще не проводив за порог?

– Я бы… – жена мнется, не зная, говорить ей или нет. – Хотела сходить в театр драмы. Новая постановка идет… Что-то современное.

– Иди. Держу, что ли? Дети уже взрослые. Вечерок без тебя как-нибудь обойдутся.

– Одна? Никогда! Только с тобой… Я и билеты уже купила… В партере… Места центровые.

Муж покачал головой.

– Сама знаешь: работа такая, что планы строить бессмысленно.

– А ты все-таки постарайся. Вспомни, когда был в театре?

– Согласен: давненько. Но…

– Все-таки… Хоть попытайся…

Муж усмехнулся.

– Что-что, а уж это, то есть «попытаться», могу твердо пообещать.

Он встал и пошел в прихожую.

– А кофе?

– Опаздываю. На работе попью, – уже в дверях добавил. – Встретимся у театра. Ну, а если что-то будет другое вырисовываться, – звякну.

Жена кивнула и прикрыла за мужем дверь. Вернувшись на кухню, убирая со стола посуду, подумала: «Не видать мне театра… У других мужей на всё время хватает». Вздохнула и пошла поднимать детей: сами раньше обеда не встанут…

Работодатели

Объявился он в офисе, как всегда, неожиданно, иначе говоря, без предупреждения. Он не считал нужным церемониться. Объясняет тем, что любит сюрпризы. Не всем нравились такие «сюрпризы», но мирились: таков, мол, у мужика характер; не всем на роду написано быть ангелочками. По-хозяйски, даже не взглянув на секретаршу, прошел в кабинет генерального директора. Вошел. За руку поздоровался с вышедшим навстречу гендиректором, оглядевшись, выбрал стул в переднем правом углу. Присел.

– Ну, как? – спросил он, усердно вытирая платком большую лысину на вспотевшей голове

– У меня – все в полном порядке, – ответил гендиректор и ухмыльнулся. – Про других – не знаю.

Автору сюрпризов что-то не понравилось в ответе, и он зло сверкнул глазами.

– Весело, да?

– Разве есть повод для грусти?

– У кого ведь как… У меня на душе кошки скребутся.

– С чего бы?

– Не догадываешься? Нет? Злит, знаешь ли, что всё мне одному надо… А ведь в общем деле и заботы должны быть общими, наравне. Жрать, пить и девок лапать – тут, да, поровну, а во всем остальном…

– Если о нашей проблемке, то не стоит беспокоиться: народ профессиональный и работу умеет делать хорошо.

– Не о том, нет, не о том говоришь.

– Как раз я о том самом, – возразил гендиректор и поспешил еще раз успокоить. – Все будет, как надо, то есть на высшем уровне. Как в лучших домах Британской империи.

– Беспечность – сродни безответственности, – гостя потянуло на доморощенные афоризмы. Он шумно вздохнул, а потом спросил. – Нет ли чего-либо промочить горло? Душновато, – он кивнул в сторону полуотворенного окна. – Кажется, дождь собирается.

Хозяин кабинета поспешил с предложениями:

– Пиво? Коньяк? Водку?

Гость еще раз сверкнул глазами.

– Не городи! Ведь знаешь, что по утрам, тем более во время службы, этого не потребляю.

Хозяин кабинета щелкнул клавишей справа и на пульте замигал зеленый глазок. Послышался милый девичий голосок:

– Слушаю.

– Квасу… Парочку бокалов.

– Сейчас, – отреагировал все тот же голосочек.

– Не сей час, а сию минуту, милочка, – он захохотал и отключился.

В самом деле, через минуту вошла секретарша, неся в руках расписанный национальным уральским орнаментом поднос, а на нем – бокалы с пенистым квасом. Поставив на журнальный столик, осторожно подкатила его ближе к гостю и вышла.

Гость все время не спускал глаз с девушки. Он чмокнул губами и щелкнул пальцами.

– Хороша, стерва! Умеешь, отдаю должное, подбирать кадры.

Комплимент хозяину кабинета пришелся по вкусу, по лицу его тотчас же растеклась самодовольная ухмылка.

– Стараемся, – сказал он, когда гость, не отрываясь, опорожнил первый бокал.

– Хе-хе, – коротко хохотнул гость и добавил. – Одного старания мало: требуется еще умение, вкус, чутье.

Хозяин кабинета вновь позволил себе изобразить на лице ухмылку. Он решил не оставаться в долгу.

– Ну, ты тоже в этих делах мастак.

Ухмылка не осталась незамеченной. Гость укорил, хотя уже без прежней злобы:

– Весел больно. Не к добру, похоже.

– Но и у тебя градус настроения пополз вверх. Или я ошибаюсь?

– Этакая стервочка кого хочешь возбудит.

– Мало тебе своих?

– Мужик, по природе своей, – ненасытен, – философски заметил гость. – Чем больше имеет, тем шире и многообразнее желания.

– Да уж, – солидаризируясь, многозначительно бросил хозяин кабинета.

Гость встал и хотел идти, но, вспомнив, что на столике стоит еще один полнехонький бокал, поднял его и выпил также одним махом. Ладонью вытер с губ пену и пошел к двери.

– Ладно… До вечера, – буркнул он на ходу. – В кемпинге об остальном договорим. Надеюсь, будешь? Честь окажешь?

– Святое дело, – весело ответил хозяин кабинета, провожая гостя до двери.

Участковый

Родионов звезд с неба не хватает. Честно сказать, и не стремится. Его все в этой жизни устраивает. От дома до работы – пара минут ходьбы. Удобно. Свободный график, дающий простор для маневра. Есть горячее желание или острая необходимость (вдруг начальство пожелает наведаться) – идет в опорный пункт. Нет – может позволить себе и на диване поваляться. Надо ремонт в квартире сделать – только свистни: соответствующий контингент тут как тут.

Шестой год он здесь. Поначалу думал, что на время, а теперь считает, что навсегда, до выхода на пенсию. Конечно, до пенсии еще далековато, но думать надо и об этой поре. Думать прежде, чем эта пора настигнет.

Человек он исполнительный, но не более того. С инициативами не вылазит и это начальству нравится. Короче, гужи на службе не рвет. И без того на хорошем счету. Месяца не прошло, как к мундиру привинтили очередную профессиональную награду. Когда-то помышлял об юридической академии, но, заметив, что в органах шибко грамотных не жалуют, решил: школы милиции – ему за глаза. Плох тот солдат, который не мечтал бы поносить в ранце маршальский жезл? Но это не про него. Ему славы и чинов не надо. Да, зарплата не ахти, однако же, не бедствует. Живет. Дай Бог каждому так жить. Семья свой минимум имеет: его жена, по крайней мере, не ворчит. Глупо, считает Родионов, работая в органах, сетовать на нищету. Он – не карьерист. Потому что на пути к карьере, считает Родионов, больше буераков и колдобин, чем приятностей. Да и завистников, готовых в любой момент подставить ногу, появляется куча. Он доволен всем. Им все довольны. Он – счастлив. От того, наверное, розовеет и пухнет как на дрожжах. Когда-то весил около семидесяти, сейчас же подобрался к ста двадцати. Правда, появилась одышка. Еще бы! Потаскай-ка целый день центнер с гаком!

Родионов собрал в аккуратную стопку бумаги, лежавшие перед ним на столе, встал, прошел к сейфу, открыл, положил в верхнее отделение, закрыл. И, по давней привычке, проверил, дернув на себя дверцу сейфа. Он свою службу закончил и идет домой с чувством исполненного долга. Он поглядел в окно. Моросящий дождь, шедший с утра без остановки, перестал. Тучи разбрелись по сторонам, и выглянуло солнце. Он доволен. На завтра намечается рыбалка, а на пруду без хорошей погоды не обойтись. Надев фуражку, поправив ее, взглянул в небольшое настенное зеркало и подумал ласково: «Ну и харя…»

Родионов вышел, закрыв опорный пункт на все запоры. И тут услышал настойчивые телефонные звонки, глухо доносящиеся из кабинета участкового.

– Ну, кто там еще? – заворчал он вслух.

Он стоял, раздумывая, возвращаться ему или нет? Телефон продолжал свой трезвон. Участковый, зло сплюнув под ноги, не стал возвращаться и направился домой. В конце концов, посчитал он, если звонит начальство и он очень нужен, то домой позвонят. Вот и его пятиэтажка. Поднялся на третий этаж, стал настойчиво давить на кнопку звонка. Дверь открыл сын, а не жена, как он ожидал.

– А мать где? – спросил сына, снимая туфли и аккуратно ставя на обувную полочку.

– В магазин вышла, – ответил сын и ушел в свою комнату.

Зазвонил телефон. Димка, сын, крикнул из комнаты:

– Если по мою душу, то скажи: меня нет дома и буду не скоро!

Родионов подошел без всякой охоты к аппарату и снял трубку.

– Старший лейтенант Родионов – у телефона, – по привычке сообщил он. В трубке – взволнованный женский голос и он не сразу понял, о чем речь. – Говорите внятно: что случилось?.. Так… Так… Так… Ясно… Сейчас буду… Никуда не надо больше звонить… Ничего не трогать руками… Ждать меня… Понятно?

Положив трубку, снял с вешалки фуражку, зачем-то потрогал пустую кобуру и вышел, огорченно думая, что теперь вернется не скоро. Он идет медленно, вразвалку. А куда спешить? Труп не убежит. К тому же сообщение может оказаться и ложным.

Вот и дом, где произошло нечто. У подъезда его встретила пожилая женщина.

– Вы звонили? – недовольно спросил Родионов, глядя куда-то в сторону.

– Да, я.

– Где предполагаемый труп? – женщина кивнула в сторону двери. – Пошли. Посмотрим. Опойка, наверное, перебрал, а вы…

На лестничной площадке полумрак. Свет проникает лишь сквозь грязное небольшое оконце над входной дверью. Участковый заозирался. Женщина пришла на помощь.

– Там, – она показала в глубь лестничной площадки, где мрак был еще гуще.

– Подержите дверь открытой, чтобы я мог осмотреть.

Наконец, Родионов увидел, что кто-то или что-то лежит на бетонном полу. Подошел ближе: лежит лицом вниз мужчина и вокруг еще не запекшаяся лужа крови. Взял руку: пульс не прощупывается. Огляделся. Слева от потерпевшего увидел силуэт, смахивающий на пистолет. Кажется, «ПМ». Хотя в такой темноте хрен поймешь. Поднимать не стал. Достал из кармана сотовый и набрал номер старшего оперативного дежурного.

– Участковый Родионов… Примите сообщение… Труп неизвестного… Пистолет… В подъезде… Не буду… Понимаю, не дурак… Хорошо… Все сделаю… Жду… Так точно…

Родионов, отключив сотовый, положил в карман. И увидел, что уже идет скопление народа.

– Граждане, проходите! Здесь стоять нельзя. Спокойствие, граждане, спокойствие. Разберемся. Во всем разберемся. Свидетелей или очевидцев прошу подождать на улице, до приезда оперативной группы.

Все шумно повалили на улицу. Но один парнишка лет двенадцати, шмыгнув на лестничный марш, стал подниматься наверх. Участковый хмыкнул.

– Правильно, – одобрил он действия мальца. – Дети тут без надобности. Лучше, если мультик посмотришь.

Славка

Славка Ершов пулей влетел на пятый этаж. Вот и дверь его квартиры. Он, лихорадочно надавливая на кнопку, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу, топтался на месте. Дверь открыла его мать. Увидев взволнованного сына, спросила:

– Что с тобой? Чем так напуган?

Славка, захлебываясь, путано стал рассказывать:

– Там… в подъезде… внизу… дядя Вася… мертвый лежит…

– Какой дядя Вася? Кто мертвый? – переспросила, ничего не понимая пока, мать.

– Ну, мам! Тот дядя Вася… Наш футбольный тренер… На втором этаже живет… Тетю Лену не знаешь, да?

– Причем тут тетя Лена?

– Не понимаешь, да? Дядя Вася и тетя Лена – муж и жена.

В прихожую вышел отец. Петр Александрович Ершов первым понял, что в доме произошла беда. Услышав в гостиной обрывки фраз, он выглянул в окно, выходящее во двор дома, и у подъезда увидел шумную толпу, что-то горячо обсуждавшую.

– Ну, вот что, сынок, – строго сказал Петр Александрович, взяв инициативу в свои крепкие руки. – Марш в комнату! И за уроки! А то болтаешься…

– Не болтался, – понурившись, возразил Славка. – К Саньке ходил. Нельзя, да, даже к дружку сбегать?

– Я что сказал? – голос отца зазвучал строже прежнего. – А на счет этого, – он кивнул на дверь, – ты, сынок, ничего не видел и ничего не знаешь.

– Но, пап! Там же дядю Васю убили!..

– С чего ты взял, что «убили» и что именно твоего «дядю Васю»?

– Видел… Не слепой покамест… Лежит и лужа крови.

– Не понял, да? Повторяю: марш в комнату! И сиди тихо. Как мышка. Если все-таки высунешь нос и будешь встревать в дела взрослых, выпорю.

Мать, недовольно крутанув головой, фыркнула:

– Кто-то тебе позволит… – и передразнила. – Выпорю… А за что?

– Не за что, – усмехнулся отец, – а ради профилактики.

Увидев на лице отца усмешку и получив мощную поддержку матери, Славка осмелел.

– Но, пап, я же видел того…

Отец нахмурился, а мать спросила:

– Кого «того» ты видел, сынок?

– Дяденьку в кожаном пальто и кожаной кепке… Я вывернул из-за угла дома и видел, как он выходил из подъезда, как проходил мимо меня.

Мать на это заметила:

– В нашем подъезде много дяденек.

– Этот – не наш! Я знаю! Я всех знаю! Это он убил дядю Васю! Он! Он! Он! Я запомнил его. Он приехал (я видел) на машине (в моей коллекции есть такая). Помнишь, пап, ты мне ее подарил, когда я перешел в третий класс?

– Никакой машины я не дарил… Не помню…

– Как же, пап?!

– Петруша, надо сообщить милиции о том, что видел Славка. Может и правда…

Отец решительно оборвал.

– Не надо нам встревать.

– Но почему?

– Рано Славке по судам таскаться.

– Он, возможно, свидетель, – опять же возразила мать.

– Вот именно! Затаскают по следователям да судам парнишку. Ему это надо? А нам? Без нас разберутся. Чем дальше от вонючего дерьма, тем жизнь спокойнее.

– Но если, и правда, человека убили… Как же?..

– Никак! – обрезал Петр Александрович и ушел в гостиную досматривать футбольный матч между ЦСКА и «Спартаком».

Уже оттуда крикнул, перекрывая звук телевизора. – Если придут и будут расспрашивать, мы ничего не знаем.

За осмотром

Оперативная группа райотдела полиции и врачи «Скорой помощи» прибыли на место «ЧП» почти одновременно.

Врач, осмотрев потерпевшего, лишь развел руками.

– Два, скорее всего, пулевых ранения в грудь и одно ранение в затылочную часть головы. Судя по всему, выстрел в голову был сделан, когда потерпевший уже лежал на полу. Увы… Моя помощь уже не нужна.

Следователь-стажер районной прокуратуры Вайнштейн (никого другого под рукой не оказалось), прибывший вместе с оперативниками, спросил (так учили в юридической академии):

– Можете ли сказать, когда, предположительно, наступила смерть?

– Судя по зрачкам и по состоянию крови на полу, не более получаса, – врач повернулся и пошел на улицу. – Буду в машине. Закончите свои процедуры – дайте знать.

Следователь занялся осмотром места преступления, фотограф – съемкой, а эксперт-криминалист, достав из портфеля стерильный пластиковый пакет, осторожно положил в него найденный «ПМ» и заклеил скотчем, а потом стал искать отпечатки пальцев, оставленные возможным и пока неизвестным злодеем.

Конечно, рано делать определенные выводы, но Вайнштейн уже склоняется к тому (еще помнит, чему учили в академии), что налицо – умышленное убийство, что, скорее всего, заказное, поскольку (на практике пока не сталкивался, однако в юридической литературе подобные случаи подробно описаны) всё указывает на работу киллера: только они, страхуя себя, делают контрольный выстрел. Одно смущает: возможное орудие убийства. Вайнштейн знает (по той же юридической литературе): киллеры любят ходить на дело не с «ПМ», а с «ТТ». Здесь же… Табельное оружие, используемое преимущественно в милиции. Подбросили, чтобы сбить со следа? Или, может, убийца – полицейский?

Следователь – в нерешительности. И тут его глаза упираются в пустую кобуру участкового.

– Старший лейтенант, а где ваше табельное оружие?

– А в чем дело? – ответил вопросом на вопрос Родионов.

– Я задал вопрос и хочу, чтобы вы ответили.

– Ну… Не люблю носить с собой…

– И что дальше? – спросил следователь, подозрительно оглядывая тучное тело участкового. Насторожили его вечно бегающие зрачки, и мысленно Вайнштейн уже спрашивал себя: «Не он ли?». – Жду, старший лейтенант, жду с нетерпением продолжения. Где все-таки в данный момент ваше табельное оружие?

– Ясно, где…

– Это – для вас, но не для меня, – следователю показалось, что он взял верный след.

– В оружейной комнате райотдела… Когда иду на задержание, получаю, а после – сдаю. Не люблю ходить с этой штуковиной. Боязно потерять…

– Пьете? Злоупотребляете?

– Причем тут это? – Родионов не понимал, с чего стажер, этот сосунок прицепился к нему? Готов послать подальше, однако стажер как-никак представляет прокуратуру. И потому сдержанно ведет себя.

– А притом, – ответил следователь. – Потерять табельное оружие можно лишь в одном случае: по пьянке. Скажите, старший лейтенант: у вас нет надлежащих условий для хранения огнестрельного оружия?

– Есть… Хороший сейф в опорном пункте.

– Почему не храните в сейфе?

– В райотделе – надежнее… Подальше от соблазнов…

– Какие «соблазны» вы имеете в виду?

– Ну… всякие разные.

– Вы, старший лейтенант, имеете в виду соблазн неправомерного применения оружия? Тяготеете, да?

Родионов, теряя выдержку, зло сплюнул под ноги.

– Глупости!

– Итак, ваше табельное оружие на данный момент хранится в оружейной комнате?

– Именно там.

– Хорошо… Так и запишем… Это обстоятельство легко поддается проверке.

Родионов сыронизировал:

– Легче легкого.

– Согласен, старший лейтенант. Тут я полностью на вашей стороне. И мы, не откладывая, сейчас и проверим информацию, – Вайнштейн достал сотовый. – Не напомните телефон оружейников?

– Триста пятьдесят шесть, двадцать два, двадцать два.

Вайнштейн набрал названный Родионовым номер. Там ответили сразу.

– Добрый вечер… Следователь прокуратуры Вайнштейн… Если не секрет, скажите, у вас ли хранится табельное оружие, закрепленное за участковым Родионовым?.. Надо… Стал бы попусту звонить?.. Подожду… Вот как?.. Понятно… Благодарю.

Родионов, когда Вайнштейн отключился, ехидно спросил:

– Ну и что?

– Все в порядке, старший лейтенант, все в порядке. Пока, по крайней мере. Однако сдается мне, что в ходу было все-таки оружие, принадлежащее кому-то из полицейских.

– Интуиция подсказывает, да? – Родионов вновь подпустил чуть-чуть иронии.

– Что-то в этом роде, старший лейтенант.

– Только на том основании, что на месте преступления обнаружен «ПМ»?

– На «том основании» или на каком-то другом – неважно.

Следователь-стажер несколько растерян. И огорчен. Нет, вовсе не из-за того, что его «ниточка» тотчас же оборвалась. Да и оборвалась ли на самом-то деле? Он растерялся, что не знает, что ему делать дальше? Нет, если быть точным, он знает, но перед ним стоят сразу несколько задачек и две из них – первоочередные. Какая из них важнее? Поквартирный обход или опознание потерпевшего? Силится вспомнить, что по этой части говорил профессор, но в голове ничего не возникает. И он берет ответственность на себя. Он принимает решение. Он ищет глазами и находит сыщика Новоселова.

– Капитан, займемся-ка мы опознанием потерпевшего.

Новоселов кивнул и потом спросил:

– Может, для начала пригласить женщину, которая первой увидела погибшего… Ну, ту, которая и сообщила участковому?

– Согласен. Однако понадобятся еще и понятые… Парочка… Обеспечьте.

Новоселов вышел за дверь, а следователь занялся оформлением протокола, точнее – заполнением тех граф, которые идут вначале и являются формальностью.

Новоселов вернулся, ведя с собой трех женщин. Вайнштейн, оторвавшись от бумаг, спросил:

– Мужчин не нашлось?

По лицу Новоселова проскользнула усмешка.

– Начисто отказались. Струсили. Женщины все-таки посмелее.

– Ну, ладно. Для процедуры – пол понятых неважен. Подойдите поближе, – пригласил он женщин. Те опасливо приблизились. Записав в протокол данные, касающиеся понятых, следователь обратился к той, которая первой сообщила о «ЧП». – Представьтесь, пожалуйста.

– Лукошкина Ангелина Васильевна, пенсионерка.

– Ваше постоянное место жительства?

– В этом доме…

– Формальность, но вы сами должны назвать адрес регистрации, а я обязан с ваших слов занести в протокол.

– Екатеринбург, проспект Космонавтов, дом пятьдесят шесть, квартира семьдесят девять.

Вайнштейн уточнил:

– Так вы не в этом подъезде живете?

– Нет. Через подъезд.

– А что здесь делали?

– К приятельнице забегала. А когда обратно спускалась, то и…

– Потом-потом, Ангелина Васильевна. Об этом расскажете, когда вызовут на допрос в качестве свидетеля. Сейчас же проводится всего лишь процедура опознания потерпевшего. Скажите, вам погибший мужчина знаком?

– Догадываюсь…

– Почему только догадываетесь?

– Ну… Темновато на лестничной площадке… Да и в лицо не глядела.

– Поделитесь вашими догадками.

– Боюсь, что это Василий Алексеевич… Лаврентьев… На втором этаже квартира. Елена Георгиевна – жена его. Живем подолгу. Друг друга знаем.

Капитан Новоселов подошел к потерпевшему и осторожно слегка повернул голову лицом вверх. Взглянул и охнул.

– Господи! – непроизвольно вырвалось из него.

Следователь сказал:

– Ангелина Васильевна, подойдите поближе и скажите: это он?

Женщина подошла, склонилась, потом выпрямилась и перекрестилась.

– Упокой душу его, Господи! – старушка повернулась к следователю. – Да, это он, Василий Алексеевич Лаврентьев.

Вайнштейн протянул листки бумаги:

– Подпишите протокол опознания.

Лукошкина расписалась и пошла к выходу. За ней потянулись и понятые. Их остановил следователь.

– Нет-нет, вы, пожалуйста, еще побудьте здесь.

Когда дверь закрылась за Лукошкиной, следователь обратился к Новоселову:

– Судя по вашему восклицанию, вы, капитан, тоже знаете потерпевшего, не так ли?

– Не очень хорошо, но знаю… оказывается, – нервничая, ответил Новоселов.

– И кто же он?

– Полковник Лаврентьев, начальник областной уголовки.

Вайнштейн не поверил тому, что услышал. Однако побледнел, и на лбу почему-то выступила испарина. Он решил уточнить.

– Хотите сказать, что убит начальник областного управления уголовного розыска?.. Тот самый Лаврентьев?!

– Именно так.

Вайнштейн подумал: «Вот вляпался… Почему мне так не везет?» Однако, преодолев замешательство, продолжил работу, хотя рука с трудом выводила на бумаге буквы, а голос все время срывался.

– Продолжим все-таки… Приступим к осмотру личных вещей потерпевшего… Капитан, выньте из карманов содержимое.

Новоселов, доставая, произносил вслух и показывал понятым.

– Ключи, очевидно от квартиры и кабинета… Портмоне из черной кожи, – расстегнул и достал купюры, – в нем сто тридцать рублей… Одна купюра по сто рублей и три по десять… – Вайнштейн кивал и записывал в протокол. – Служебное удостоверение, – он раскрыл и прочитал. – Полковник Лаврентьев Василий Алексеевич, начальник управления уголовного розыска… Носовой платок, ручка, – Новоселов выпрямился. – Все.

– А оружие полковника? – растерянно спросил Вайнштейн.

– Отсутствует, Лев Валентинович.

– Хорошо посмотрели?

– Вполне.

– Может, под пиджаком?

– Смотрел. Нет.

– Может, за брючный ремень заткнут пистолет или еще как-то?

– Повторяю: табельное оружие отсутствует. Либо его вообще не было, либо похищено убийцами, либо то, что мы нашли на месте преступления, – и есть его личное оружие.

Вайнштейн кивнул и записал в протокол.

– Чтобы закончить процедуру, – следователь поискал глазами участкового, – надо дойти до квартиры потерпевшего, если супруга дома, пригласить для опознания.

Родионов понял, как надо, и стал подниматься по лестнице. Вайнштейн, дожидаясь возвращения участкового, достал платок и стал вытирать вспотевшее лицо. Послышались шаги и Вайнштейн увидел сначала красивую женщину, а потом и участкового.

Следователь спросил:

– Вы – Лаврентьева Елена Георгиевна?

– Да. А что случилось?

– Посмотрите, – следователь кивнул в сторону безжизненного тела, – вам этот человек знаком?

Елена Георгиевна бросила взгляд и вскрикнула:

– Васечка!..

Женщина упала бы на бетонный пол, но подскочил капитан Новоселов, поэтому потерявшая сознание женщина повисла на его руках.

– Врача! – крикнул он. – Врача сюда.

Пришел врач. Попытался привести женщину в чувство. Не получилось.

– Носилки! – скомандовал он.

Принесли носилки, женщину положили и унесли в реанимационную машину. Врач, взглядом указав на тело убитого, спросил:

– Забрать? Чтобы лишний раз не гонять машину.

Вайнштейн посмотрел на эксперта, потом на фотографа.

– Я все сделал, что следовало, – сказал эксперт.

– Тоже самое, – подтвердил и фотограф.

– Забирайте, – разрешил следователь.

Унесли и потерпевшего. Вайнштейн попросил понятых подписать протокол опознания. Те, ни слова не говоря, подписали.

– Теперь – свободны.

Капитан Новоселов, вернувшийся с улицы, сказал:

– Телевизионщики прорываются сюда. Хотят взять у вас интервью, Лев Валентинович.

– Ну, вот! И падальщики слетелись, почуяв свежатинку.

– Как быть? – спросил капитан Новоселов.

– Лично я не уполномочен давать интервью, а вы, как хотите.

– Я? Ну, что вы! Приключений на задницу? Никогда!

– Значит, консенсус, – грустно пошутил следователь.

Вайнштейн направился к выходу на улицу. Его слегка мутило. Скорее всего, от волнения и переживаний.

– Вы куда? – растерянно спросил Новоселов.

– В прокуратуру. А что?

– Но… А мы?..

– Я свою часть работы закончил, а вы нет, поэтому и…

– Но я подумал, что будут какие-то конкретные следственные поручения.

– Свою работу вы знаете лучше меня. Вот и действуйте.

– А конкретно?

– Поквартирный обход… Поиск свидетелей… Улик… Вещдоков… И тому подобное…

Вайнштейн вышел на улицу и полной грудью вдохнул вечерний воздух. Его обступили люди с камерами. Он, никого не замечая, не отвечая ни на один вопрос, сел в свой старенький «Москвич», дал газу и машина, обдавая падальщиков пылью, скрылась за углом.

Вайнштейн чувствовал, что этим все не закончится, что с него еще спросят. Всегда так: начальству нужен крайний. Отыграются на ком? На стажере! Хотя, по здравому рассуждению, его вины, ни прямой, ни даже косвенной, в случившейся трагедии нет. Он-то причем, если убийцы разгуливают на свободе и ничего не боятся? Вон, до чего обнаглели! Руку поднимают на высшее руководство и хоть бы хны!

Конечно, Вайнштейну хотелось себя утешить тем, что в деле пока нет явных доказательств того, что совершено умышленное убийство. Может ведь статься, что нелепая какая-то случайность. Так бывает, и он не раз сталкивался с подобными нелепицами, читая учебники по юриспруденции. Жизнь богата на странности и преподносит их всякий раз, когда их меньше всего ждешь.

Сосунок

Районный прокурор Лазарев – не в духе и потому встретил следователя-стажера, мягко говоря, неласково: нервно вышагивал вдоль кабинета и всякий раз, поравнявшись, хмуро поглядывал на вчерашнего студента юридической академии. Тот же понимал, что шеф психует, и, кажется, догадывался о причине. В прокуратуре кто только не знал, что шеф всегда недоволен, когда его тревожат в столь неурочный час, как сейчас, поэтому старались не звонить и обходиться своими силами. Разве что при «ЧП». Как сегодня. Следователь Вайнштейн, вместе с тем, понимал и другое: он тут ни при чем, не он вытащил прокурора из семейного уюта. Ему это зачем? Он-то свое дело сделал. Как мог и умел, конечно. Остальное? Пусть голова болит у дятла. В конечном итоге, все равно дело перейдет в более опытные руки. Да и…

Стажер не мог знать еще об одной причине разгулявшихся нервов прокурора: Лазарев до чертиков не любил, когда к его подведомственной территории, следовательно, и к нему, приковывалось внимание верхов и прессы. Ему слава, как он сам выражался, – по барабану, тем более скандальная. Дело не в том, что у прокурора под носом случилось особо тяжкое преступление – убийство (экая, право, невидаль!). Проблема в том, кого убили? Сколько он помнит, случай небывалый. Значит? Начнутся звонки, дёргания, на совещаниях – склонения по всем падежам. Не обеспечивает, мол, общественную безопасность граждан, ослаблен,

дескать, прокурорский надзор за деятельностью милиции, которая, в свою очередь, уходит от прямого боя с преступностью. Верхам-то что? Лишь бы к чему-то привязаться. А тут такой повод: громкое убийство!

Вайнштейн все стоит у двери, переминаясь с ноги на ногу, и хранит молчание. Если угодно будет шефу, сам спросит.

Лазарев наконец-таки остановился возле своего письменного стола, оперся левой рукой о столешницу и повернулся к стажеру лицом.

– Ну, что там у тебя?

Вайнштейну не по нраву столь грубое обращение, однако заставляет себя мириться.

– В результате проведенных первичных следственных действий, – начал он говорить по-книжному, представив себе, что он на экзамене и стоит перед экзаменатором-профессором, – что в подъезде дома номер 56 по проспекту Космонавтов убит мужчина…

Прокурор прервал.

– Короче нельзя?.. С чего ты взял, что именно «убит»?.. Пришел, увидел, победил, да?.. Почему не самострел, а?

Считая нужным ответить лишь на последний вопрос прокурора, Вайнштейн отрицательно качнул головой.

– Не похоже.

– Это еще почему, любезнейший? – слово «любезнейший» Лазарев использовал лишь в том случае, когда хотел съязвить. По лицу скользнула злая усмешка, скривившая уголки губ. – Дедуктивным методом определил?

– Нет, не дедуктивным методом, – вполне серьезно сказал стажер и пояснил. – Потерпевший имеет два пулевых ранения в области груди… С ближнего расстояния… И самое основное: имеется пулевое ранение в область затылочной части головы, осуществленное уже в лежавшего лицом вниз, что может свидетельствовать об одном, а именно: имел место быть контрольный выстрел, присущий лишь руке киллера.

Прокурор фыркнул.

– Говорит, черт, как по писаному… – помолчав, спросил. – Это правда, что труп опознан родственниками?

– Да… Женой… И не только… Еще – соседи. Все признали в убитом Лаврентьева.

Прокурора вновь обуяла лихорадка, и он забегал по кабинету.

– Не везет так не везет!.. Ну, зачем мне эта напасть?! Почему в моем районе, а не в соседнем?.. Задергают теперь… Пальцем станут тыкать. На всяком углу будут говорить, что в районе небезопасно стало жить не только рядовым гражданам, а и самим органам. Вон, что делается. Подстреливают на лету… Как куропаток… И не глухой ночью, а… Что это, как не наглый и открытый вызов?.. А мы? Сможем ли ответить и принять бой? – прокурор безнадежно машет рукой, Вайнштейн смотрит, слушает и не верит своим ушам. – Где там! Не более двадцати процентов раскрываемость заказных убийств… Всего лишь каждый пятый оказывается в суде, – прокурор натыкается на стажера, секунду смотрит на него, спохватывается, что наговорил при парнишке лишнего. Прокурора невольно охватывает тихая ненависть к невольному очевидцу его, прокурорской слабости. Он заорал. – Что тут стоишь столбом?

– Жду указаний, – равнодушно ответил Вайнштейн и переступил с ноги на ногу.

– Каких «указаний»?

– Обычных… Сами знаете, что…

Лазарев оборвал.

– Иди!

– А по делу?..

– Не знаешь, да? Пошевели куриными мозгами…

– Нет, – прозвучал ответ стажера то ли на вопрос, то ли на оскорбление. – Потому что…

– Готовь материалы к передаче.

– Кому, Сергей Васильевич?

– Не кому, а куда, – все также зло поправил прокурор.

– Не понял, Сергей Васильевич.

– Такой тупой, да?

– Вроде бы, нет. А что?

– Область принимает к своему производству… Не по нашим гнилым зубкам сие дельце.

– Отлично! – воскликнул Вайнштейн. – Какие проблемы? Стоит ли так грузиться? Нервы, как известно, не восстанавливаются.

– Да? – прокурор стал сверлить взглядом стажера. – Кто тебя просит выступать со своим резюме? А? Сопельки зеленые подотри под носиком, а после и резюмируй, сосуночек.

Вайнштейн вышел от шефа в полной растерянности. Нет, ему ясно, чем он должен сейчас же заняться. Не понимает другого. На лекциях в академии ничего не говорили насчет начальственного хамства, к примеру, и того, как подчиненный в таких ситуациях должен себя вести? Прав ли он, что промолчал и позволил себя унижать? Может, стоило развернуться после первого же оскорбления, уйти, а за собой громко хлопнуть дверью? Первый раз дашь спуску, второй, а дальше? Хамству, по мнению стажера, не будет ни конца, ни края. Впрочем, громко стучать дверью, наверное, позволительно лишь асам, тем, которые уже зарекомендовали себя на следственной работе, в деле показали, на что способны. Он же… На первый снег писает и пока одному Богу известно, получится из него стоящий следователь или нет? Да, он молод, всего-навсего стажер. Однако (Вайнштейн идет по полутемному и узкому коридору второго этажа прокуратуры и несогласно крутит головой) это еще не повод для унижения человеческого достоинства. Нечестно, по его мнению, обижать того, кто не в силах ответить тем же. Это есть бой без правил, и он вряд ли уместен в прокуратуре, во взаимоотношениях прокурора и стажера. Вайнштейн шумно вздыхает и сетует на родителей, которые твердили ему на каждом шагу, что интеллигентный и воспитанный человек обязан уметь управлять своими нервами, обуздывать внезапно подступившие эмоции. Он управился со своими нервами, не дал эмоциям выплеснуться наружу. И что? Хорошо это или плохо? Не знает он ответа. Конечно, родители одобрят его поведение, особенно отец, который ни разу даже голоса не повысил на сына. Однако он, их сын, только что переживший оскорбления шефа, чувствует себя до такой степени погано, что хочется плакать или, чтобы сорвать зло, взять и ногой выпнуть какую-нибудь дверь. И это, он почему-то уверен, ему сильно поможет снять стресс, разрядиться. Вайнштейн ловит себя на мысли: а смог бы он, будучи на месте прокурора, так разговаривать с мальчишкой, невиновным ни в чем? Нет. А если виновен? Тоже нет. Он грустно усмехается. Каким сам-то он станет через двадцать лет, когда усядется в руководящее кресло? Неужто переродится, и родительское воспитание пойдет псу под хвост? Этого не может быть, потому что не может быть по определению. Корни у него другие. Впрочем (на лице вновь появляется грустная усмешка) хамами не рождаются, хамами становятся, хамами людей делает окружение, обстановка, вся общественная жизнь, в том числе и «непротивление злу». Это он где-то вычитал. Наверное, в каком-то классическом романе. Во всяком случае, не в учебниках юриспруденции. Ему преподавали урок психологии в академии, но и там вряд ли… Вполне возможно, что и собственная мудрость. А почему бы и нет? Хоть и обозвал его прокурор тупым, но он не такой, совсем не тупой. Конечно, не столь умен, как старшие товарищи. Но это пока. Вместе с практикой и ум прирастет. Основа для прирастания есть. А это главное.

Беда

Июнь. Он тем хорош, что день долог: вот уже одиннадцать вечера, а светло, как днем. И жарко, хотя и склоняется к горизонту лучистое солнце.

В большом и просторном кабинете – битком. Сбор по случаю «ЧП». Налицо все первые лица, то есть начальники управлений и отделом. Тишина мертвая. Конечно, у генерала в любом другом случае сильно не пошумишь, но сейчас… Лишь сквозь плотно закрытые оконные рамы глухо доносятся перестуки трамвайных колес да взвизгивания автомобильных шин на асфальте.

Начальник управления хмур. Сидит, нахохлившись за столом, и нервно теребит в руках какую-то бумажку.

– Итак, – генерал поднял глаза на присутствующих, – все знают, что у нас произошло? – в ответ – молчание, как знак того, что о «ЧП» наслышаны все. – Беда… Я не знаю, чтобы когда-то… в истории главного управления… Да… Гибнут товарищи… И на каком уровне?! Если дальше так дело пойдет, то всех перещелкают… Преступность наглеет… Нам открыто брошена перчатка… Это – вызов. И нам ничего не остается, как принять вызов и выйти на ринг… Но… Победим ли? Хватит ли сил и, главное, ума? Дело чести… Да… – генерал придавил измусоленную бумажку ладонью и повторил. – Дело чести, – генерал обвел всех грустным взглядом. – Соображения?

Заместитель начальника главного управления по личному составу решил прибавить оптимизма.

– Конечно, жаль Василия Алексеевича, но, может, дело имеем с обычной бытовухой, а? Надо нам и это иметь в виду.

Генерал все также хмуро повел взгляд в ту сторону.

– Ты о чем? Располагаешь информацией?

– Ну… Я всего лишь, откликнувшись, делюсь соображением. Не стоит сбрасывать со счетов.

– В последнюю очередь, если теоретически предположить. Что думает уголовка?

Встал заместитель начальника управления уголовного розыска Воробьев.

– Мы – скорбим… И все прочее…

Генерал прервал.

– По делу! А слова скорби оставь на день похорон.

– Слушаюсь, – ответил Воробьев. – Будем работать… Уже приступаем… Полтора часа назад в парке лесоводов Урала обнаружен труп…

– Собрался обо всех трупах нам рассказывать? – прищурившись, спросил генерал.

– Нет. Но этот… Я только что оттуда… Убит тот, за кем мы уже две недели охотились… Готовились брать… Чуть-чуть не успели.

– Плохо, видно, готовились, если «не успели» и вас опередили, – заметил генерал. И напомнил. – Ближе к теме, подполковник.

– Я – в теме… Труп-то принадлежит киллеру… Мы подозревали его в двух заказных убийствах, в том числе главного инженера оборонного завода. А теперь… Склонен думать, что после исполнения третьего заказа, сегодняшнего – убрали, как отработанный материал.

Генерал уточнил:

– Полагаешь, что это он убил Лаврентьева?

– Нисколько не исключаю, – подтвердил Воробьев. – Пойдем и в этом направлении… Ждем результатов баллистической экспертизы… Уж очень хочется знать, из того ли пистолета убит полковник Лаврентьев, что найден на месте преступления?

– Просьбы? Вопросы?

– Одна просьба… Хочется, чтоб и следственное управление сразу же подключилось.

Тихо открылась дверь кабинета, вошла секретарша, подошла к Воробьеву и что-то стала шептать тому на ухо. Воробьев, молча, кивал.

Генералу эти перешептывания не понравились.

– В чем дело?

– Извините, – сказала секретарша и вышла из кабинета.

– Тайны? От меня?! Подполковник, объяснись!

– Не от вас… – Воробьев растерянно смотрел в глаза генерала. – Неприятность… И большая…

– Еще одна?

– Так точно… К сожалению…

– Имеет отношение к убийству полковника Лаврентьева?

Воробьев развел руки.

– Увы…

– Каким образом? Говори, не стесняясь. Тут – все свои.

– Ну… Проверка «ПМ»… Оружие числится за… Разрешите доложить с глазу на глаз? Сведения такие, что…

– Нельзя даже в этом кругу? – подозрительно спросил генерал.

– Можно, однако считаю преждевременным.

– Хорошо… Идем дальше… Скажи мне, подполковник, вот что: не просматривается ли связь между убийством Лаврентьева и расследованием какого-то дела. Может, месть? Ликвидация активного игрока?

– Не думаю: если по каждому уголовному делу будут убивать по полковнику, то… Хотя проверим, конечно…

– У тебя все?

– К сожалению… Пока что…

Воробьев присел на стул. Присутствующие активно выдвигали версии, но Воробьев слушал равнодушно, точнее – совсем не слушал. Он явно был погружен в свои мысли. Тем более, что ничего дельного не предлагали. Версии, которые люди высказывали, не яснее одна другой. Кто-то высказался в том смысле, что имеем дело со случайным убийством, с убийством по ошибке: хотели, мол, убрать одного, а ликвидировали случайно подвернувшегося под руку. Другие склонны видеть мотив убийства в ограблении: не могли знать злодеи, что в карманах их потенциальной жертвы нечем будет поживиться.

Генерал, сощурив левый глаз, ехидно спросил:

– А «ПМ», найденный на месте убийства? Грабитель и с такого рода оружием – это уж слишком.

– И этому можно найти объяснение.

– Например?

– Пистолет выпал из кармана убитого… Его табельное оружие…

Никто не обратил внимания, что во время разговора о «ПМ», найденном на месте преступления, Воробьев ёрзал на стуле и как-то загадочно ухмылялся.

– Подвожу итог, – сказал генерал. – Ясно лишь то, что ничего не ясно… Тушин принял уголовное дело к своему производству… Возглавит следствие полковник юстиции Алексеев… Просит, если, говорит, мы сильно заинтересованы (издевается Тушин), помочь, отрядить наиболее опытных… За этим дело не станет… Подберем и отрядим. Кстати, – генерал о ком-то вспомнил, – «святая троица» все загорает?

Ответил заместитель по личному составу, первый догадавшийся, кого имеет в виду начальник главного управления:

– Три дня осталось.

– Отозвать! Сейчас же отправьте факс… Пусть наши коллеги разыщут… Первым же самолетом – в Екатеринбург.

Генерал Еремеев, курирующий в главном управлении следствие, стал возражать, догадавшись, что «святой троице» отведено место в следственной бригаде:

– Но один из… В близких, чуть ли не дружеских отношениях с потерпевшим… Загорячится и таких дров наломает, что мало не покажется.

– Не доверяешь? – спросил начальник главного управления.

– Не то, чтобы… Однако…

– Понял: не совсем… А я – доверяю. Как быть?

– Ну, – Еремеев замялся, – ваше мнение – решающее.

– Благодарю.

Еремеев не собирался сдаваться.

– К тому же не по чину… Больно жирно, – присутствующие догадались, что теперь Еремеев имеет в виду другого из «святой троицы». – Все-таки начальник следственного управления. На нем висит не одно дело, а сотни.

– Ничего, – усмехнулся начальник главного управления, – пусть тряхнет стариной и вспомнит былое. Да и он не один. А замы на что?

– Воля ваша, – наконец сдался Еремеев.

– Все свободны, – сказал начальник управления и бросил скомканную лохматую бумажку в мусорную корзину. И вспомнил. – Воробьев, а ты куда?

Воробьев вздохнул. Его информация не из числа тех, которые тешат начальственный слух. Он ждет бурной реакции, но надеется на удачу: а вдруг гроза пройдет стороной и все обойдется? Этот – не то, что прежний. Не дуролом. Горяч, ясное дело. Но кто видел спокойного и равнодушного генерала? Покажите и Воробьев с удовольствием посмотрит на столь редкий экземплярчик.

Встреча

Прокурор Тушин встретил полковника юстиции Алексеева по-барски, развалившись в командирском кресле с высокой кожаной спинкой. Что есть, то есть: любит демонстрировать свое превосходство всем, но почему-то с особенным наслаждением и упоением – именно Алексееву. Следуют привычная пауза и кивок в сторону одного из стульев.

– Извини, что потревожил в столь поздний час, однако…

Прокурора прервали, а он этого не переносит… Когда позволяют подобное подчиненные. Он поморщился, будто проглотил страшную кислятину.

– Понимаю… Слушаю…

– Что думаешь по делу? – спросил Тушин, глядя на собеседника с презрительным прищуром. И тут же позволил себе обосновать свой интерес. – Вон, – он мотнул головой в сторону включенного телевизора, – центральный канал уже передал новость. А завтра, – он скривился, ощущая себя в кресле стоматолога, готового без обезболивания выдрать у него здоровый зуб, – и газетёнки протрубят на всю страну. Общественное мнение, короче, будет взорвано. Будут нас трясти на всех перекрестках и кому только не лень.

Алексеев попытался изобразить на лице сочувствие, но, похоже, ему это не очень-то удалось. Он, тяжело вздохнув, сказал:

– Да уж… Прославились…

– Лучше, если б такая «слава» обошла стороной.

Алексеев попробовал пошутить.

– Не мы ее выбираем, а она нас.

– Афоризмами говоришь? – Тушин привычно прищурился. – Ладно… Ты не ответил на вопрос.

Алексеев обреченно развел руками.

– Не ответил, потому что сказать нечего.

– С твоим-то опытом?! – воскликнул Тушин.

Алексееву показалось, что в голосе прокурора проскользнула ироническая нотка. Привык Алексеев к неискренности шефа по отношению к себе и потому любую похвалу воспринимает скептически. И не без оснований.

– Перелистав на скорую руку первичные материалы, осталось много сомнений и недоумений. Много, очень много странностей. Вот пока и все.

Тушину захотелось утешить подчиненного, успокоить, обнадежить, ободрить.

– Брось! Не усложняй себе задачу, – Алексеев недовольно передернул плечами. – Я не собираюсь навязывать тебе своего мнения, но позволь высказать: думаю, что тут мы имеем дело с убийством на бытовой почве, – не преминул посоветовать. – Держись этой версии, как основной, – и порядок.

Алексеев – не в настроении. Ему неохота затевать спор, поэтому согласно кивнул.

– Пожалуй, что так… Версия имеет полное право на жизнь.

А думал он в эту минуту совсем даже наоборот. Впрочем, начальству не след знать все его мысли.

Тушин встал с кресла и вышел из-за стола. Встал и Алексеев, полагая, что шеф намекает: аудиенция окончена.

– Ну, ладно… Я подписал постановление, которым определил основной состав следственной бригады по этому делу… Список неокончательный… Ты можешь его самостоятельно дополнить.

– Учли мои пожелания? – поинтересовался Алексеев.

– В меру моих скромных возможностей, – ответил Тушин и в его голосе Алексеев вновь почувствовал иронию.

– Кто руководитель?

– Ты, конечно.

– Благодарю за доверие.

– Не стоит благодарности… дело-то такое, что… Наряду с доверием, возлагаю на тебя и огромную ответственность.

– Понимаю… Не первый раз.

– Однако столь громкое дело – первое.

– Как сказать и с какой стороны оценивать…

– Да хоть с какой… Не помню, когда последний раз убивали одного из руководителей главного управления областного милиции.

– Действительно, случай редкий. Но для меня любое убийство…

Тушину не нравились обычные разглагольствования подчиненного, поэтому прервал.

– Кстати… – Тушин дважды шагнул в сторону и потом вернулся к столу. – Ты как-то заговаривал насчет ухода на пенсию. Не передумал, нет?

– Было и остается такое желание, – подтвердил Алексеев. – Пора на покой. Попахал и будет. Теперь пусть молодые ломают хребты.

Тушин ухмыльнулся.

– Ну, это – в ближайшем будущем. Раскроешь дело, схлопочешь орденишко…

Алексеев громко рассмеялся и вспомнил незабвенного Теркина.

– Зачем мне орден? Я согласен на медаль.

– Нет-нет! Обещаю орден. И вот потом – отдыхай на здоровье.

– Ловлю на слове.

– Зачем «ловить»? Не надо! Я – хозяин своего слова. Однако, – Тушин притворно вздохнул и попытался выразить на лице сожаление, – тяжело расставаться с опытными кадрами. Профессионала не встретишь на каждом шагу. Молодежь нынче, сам знаешь, какая.

– Молодежь, как молодежь, – заметил Алексеев и добавил. – Горяча… иногда не в меру, но это же хорошо. Все мы когда-то слыли максималистами.

Тушин кивнул.

– Да, были. Но мы чтили старших. Эти же… Для них нет авторитетов. Вчера один из молодых, но ранних, знаешь, заспорил со мной… Знаешь, кто? Стажер! Всего-то полгода работает. Чернила в дипломе не просохли, а уже мнение свое имеет. Смело высказывается. Не боится… Даже меня, прокурора области. Не понимает: стоит мне мизинчиком давануть и мокрого места от клопа не останется.

Алексеев пытается в ответ подобрать слова, не ранящие сердце прокурора.

– Ну… Сетования по адресу молодых не новы. Это наше, стариковское. Хлебом не корми, а дай поворчать…

– Это ты про себя, что ли?

– Естественно. А про кого же еще-то?

– Ладно… Свободен… И периодически докладывай. Ясно?

Алексеев согласно кивнул.

– Буду докладывать, – сказал он и вышел из кабинета.

Веселуха

В ночном клубе, что на улице Малышева, шумно и людно. Это понятно: пятница и впереди два выходных. Молодежь оттягивается по полной программе. Многие девчонки и мальчишки, если приглядеться, уже под кайфом: в глазах их сумасшедшинка. Прыгают неустанно (это у них танцы такие), как горные козлы и козлушки.

К столику, что неподалеку от барной стойки, вернулась после поскакушек обалдевшая юная парочка – Мишаня (по паспорту – Михаил) и его свежая совсем подружка Лана (по паспорту – Светлана), студентка политехнического университета.

Усевшись, Мишаня потянулся к бутылке с армянским коньяком, наполнил рюмки – себе и подружке.

– Ник, тебе плеснуть?

Вопрос адресуется третьему за столиком, Нику (по паспорту Николаю). Он сидит, уставившись в одну точку, и давно уже молчит. Ему, в отличие от молодой парочки, совсем не весело. Может, возраст сказывается (на червонец точно старше). Может, с любимой женой полаялся (если женат, понятно) и теперь тоскует. Может, какая-то третья причина, неведомая другим.

Подошла миниатюрная брюнеточка, кивнула, как старой знакомой, Лане и бочком прильнула к Нику, выказывая свое расположение и желание познакомиться.

Мишаня хохотнул.

– Давай-давай… Попробуй растормошить битюга колхозного. А то весь вечер сидит и только рюмки опоражнивает.

Брюнеточка погладила по начавшей лысеть голове и попыталась обнять Ника за шею. Ник откачнулся.

– Сдурела, сука?! Чего льнешь к женатику, а?

Лана осуждающе качнула головой.

– Зачем так грубо?.. На лбу у тебя не написано… Девчонка хочет общения, мужского внимания. А ты…

– Зато я не хочу… ничего! – рявкнул Ник. Налил в рюмку коньяка и залпом выпил.

– Может, угостишь? – сказала брюнеточка и озорно взвихрила свои роскошные волосы. – Или не джентльмен?

– А, пошла ты!..

– Ну, извини, – сказала девушка и пошла в глубь зала, к своему столику.

Мишаня попытался успокоить Ника.

– Не злись, кореш, а? Гляди, как кругом круто? И девок – на любой вкус. Чего ты, в самом деле, бычишься?

– Есть причина, – буркнул Ник, налил рюмку и вновь выпил.

– Интересно, какая? – спросил весело Мишаня. – Баба по утрянке отказала, да? – он хохотнул.

– Не тронь мою жену, ясно?

– Хорошо, не буду… Может, шеф на хвост наступил?

– Не наступил, но… Зло берет… Ему – всё. А мне?.. А нары одинаково давили…

– Завидуешь? – Мишаня опять хохотнул. – Каждому свое…

Лана решила поддержать дружка. Она назидательно сказала:

– Судьбы у всех разные, а завидовать – большой грех.

– Видишь, Ник, у девки куриные мозги, а рассуждает здраво.

– Не в зависти дело… Обидно, – Ник наполнил рюмку и выпил, развернул шоколадку и надкусил с края.

Мишаня спросил:

– Много не будет? Не забывай, что за рулем. «Менты» прильнут и не отцепятся.

– А, – Ник махнул в сторону рукой, – в гробу их видел… Дешевки… Кину на лапу сотенку и даже честь отдадут.

– Пусть так: все равно опасно. Столбов по обочинам много и один из них может оказаться твоим.

– Обидно, – повторил Ник. – За людей нас не считают… Дерьмо разгребать – Колян, давай, окунайся с головой! А что другое – ху-ху не хо-хо? Брезгуют! А чем лучше, а?

– Ну, что ты, в самом деле? На х… перчика подсыпали, что ли? Выброс из головы. Узнает, не дай Бог, шеф…

– Ты стукнешь? – красные глаза Ника уставились на Мишаню.

– Заложить? Тебя?! – увидев недоверчивый взгляд Ника, стукнул себя в грудь. – Никогда! Век свободы не видать.

Ник расчувствовался.

– Собираются в загородный кемпинг. Ну, я и говорю: возьмите меня? Шеф глянул в мою сторону так, будто перед ним козявка какая-то, а не человек, не кореш его.

– Ну не дурень, а? Что ты там не видел? Баб? Но их здесь гораздо больше. Мигни – косой десяток подскочит. А там… Ничего хорошего… Не в свой круг метишь, мужик, не в свой.

Лана поддакнула, вспомнив поговорку:

– Не в свои сани не садись.

– А чем я хуже, ну, скажи? Он – барин, голубых кровей, а я – плебей?! Хренушки! Одного поля ягодки. На одних нарах сиживали. Ему… Повезло больше и вся разница.

Ник встал, больше не говоря ничего, не твердой поступью направился к выходу.

– Проводить? – спросил Мишаня, а Лана дернула за рукав: сиди, мол, мужик знает, что делает.

Ник в ответ вяло, не обернувшись, махнул рукой.

– Осторожнее, пожалуйста, Ник, на дороге, – все-таки крикнул вдогонку Мишаня, опрокинул рюмку, наклонился к Лане и впился в ее губы. Поцелуй был долог. Оторвавшись,

крякнул от удовольствия. – Сладкая ты моя… Может, и мы домой, а? – спросил он, заглядывая в глаза девушки. – Хочу тебя… Так хочу, что невмоготу.

Лана слегка отстранилась.

– Остынь… Рано… А туда – успеем еще.

– Тебе не на лекции разве?

– А, ну их к черту! Лекции от меня не уйдут. А вот молодость – так, говорят, скоротечна, что и глазом не успеешь моргнуть и уже старуха, морщины на щеках и везде – обвисшие мешки жира.

Мишаня хохотнул в ответ. Видимо, попробовал представить себе Лану в образе старой и немощной старухи. Представил и ужаснулся.

– Не надо, – сказал он.

– Годы не спрашивают, что нам надо, а что нет. Годы возьмут свое.

– Пусть берут, но как можно позднее. Ты предпочтительнее в качестве конфетки, чем в виде сморщенного и зачерствевшего сухаря.

Лана щелкнула его по спине и прильнула к парню.

– Сладкоежка…

Гостенек

Сержант на вахте с утомительным вниманием изучает удостоверение, предъявленное при входе. «Фирма» ему, по понятным причинам, внушает доверие и даже почтение, однако бдительность не может быть лишней, тем более, когда гражданин является в столь поздний час, когда в прокуратуре пустынно и жизнь почти замерла.

Иванов терпеливо ждет и не подгоняет сержанта. Иванов понимает, что тот всего лишь исполняет функциональные обязанности. К тому же он, Иванов, сейчас не на службе и идет частным порядком.

Сержант, убедившись, что удостоверение не фальшивое, что фотография в нем соответствует личности, поднял глаза и предельно осторожно спросил:

– Простите, вам кто нужен?.. Извините, что интересуюсь, но в отделе по расследованию убийств сейчас никого нет.

На чисто славянском округленном лице Иванова появилась улыбка. Он мягко возразил:

– Это не совсем так, сержант.

Сержант смутился: непорядок, когда посетитель знает больше, чем он.

– Вы созванивались? С кем?

– Не созванивался и предварительно не договаривался, – сказал Иванов, – однако точно знаю, что нужный мне человек у себя.

– А именно? Не секрет, нет?

– Полковник юстиции Алексеев.

– С чего вы решили, что он у себя?

– Профессиональная тайна, – рассмеявшись, ответил Иванов.

Сержант неодобрительно подумал: «Какой смешливый, а еще в такой серьезной фирме служит». Сержант машинально бросает взгляд на стенд, где сотрудники оставляют ключи от служебных кабинетов, обнаруживает свободный гвоздик. Он, краснея за оплошность, смущенно говорит:

– Кажется… Вы правы… Сейчас… Одну минуту… Я все-таки позвоню… – набирает трехзначный, видимо, внутренний, номер. – Сержант Соловьев… С вахты… К вам гражданин… Одну секунду: прочитаю… – чуть ли не по слогам произносит в трубку. – Подполковник Иванов Георгий Фаддеевич… Есть!

Сержант возвращает трубку на аппарат и протягивает владельцу его удостоверение.

– Прошу прощения… Формальности… Но они, сами знаете…

– Необходимы, – за него закончил фразу Иванов. – Так я могу?..

Сержант торопливо кивает на турникет.

– Проходите, пожалуйста… Полковник Алексеев ждет.

Иванов молодецки, несмотря на годы за плечами, взбежал на третий этаж. Одна из дверей – нараспашку. В проеме – Алексеев. На его лице – удивление и немой вопрос. Вместо вопроса, следует приглашающий жест хозяина.

Устраиваясь на стареньком и потертом стуле, Иванов решил объяснить цель ночного посещения.

– Прости, Захарыч, – они – не друзья, но знакомы очень давно и потому на «ты», – за вторжение. Иду, гуляючи, мимо… Гляжу, знаешь ли, а в окне – свет. Дай, думаю, заскочу. Вот и… Если помешал, то…

– Подозрительное «гуляние» – и по месту и по времени.

– Как понимаешь, домой иду…

– Вот именно!

– Вышел на улицу. Черемуха цветет, откуда-то сиренью попахивает. Решил пешком добираться.

Алексеев ехидно поинтересовался:

– А не далековато ли, романтик?

– Путь не ближний, однако после сидения в четырех стенах полезный.

И вновь ехидный вопрос Алексеева:

– Значит, по пути, да?

– Ну, конечно, Захарыч.

– Значит, шел в один конец улицы Малышева, а очутился в другом?

– Ну… Два километра по ночным улицам – не крюк.

– Понятно, гостенёк поздний, – Алексеев пошел и включил чайник. – Кофе?

– А нет ли чего посущественнее?

– На работе – не держу… Сам знаешь, как я отношусь…

– Тогда – не надо.

– Прости, коллега.

Иванов рассмеялся.

– Юмора не понимаешь, да? – и повторил вопрос, на который хозяин не ответил. – Не помешал?

– Что ты! Нет, конечно! Хожу тут… Один-одинёшенек… И поболтать не с кем.

– Ну и шел бы в семью. Не иначе, как заждались. Дня тебе, стало быть, недостаточно?

– А тебе? Взгляни на часы. Чья бы корова мычала…

– Согласен: засиделся. Запурхался в бумагах. Не заметил, как наступила ночь.

На столе Алексеева затетенькал телефон. Алексеев, кивнув в сторону аппарата, заметил:

– Накаркал. Не иначе, как супруженция добивается. Он снял трубку и неласково бросил. – Да… Именно так… Внимательно слушаю… Понял… Так… Ясно… Теперь имею в виду… Копайте… Может, ты и прав… Не извиняйся… Сижу тут, потому что жду звонка, – положив трубку, Алексеев пояснил гостю. – Подполковник Воробьев позвонил…

– Воробьевых, как и Ивановых, что нерезаных собак.

– Заместитель Лаврентьева.

– Понятно, – хотелось Иванову спросить, о чем был звонок, но не стал. Подумал: захочет – сам скажет.

Алексеев захотел.

– Ты ведь знаешь, да, о «ЧП»?

Иванов кивнул.

– Наслышан… Конечно, в общих чертах, но мне больше и не надо. Кстати, прими соболезнования.

– Я?! Причем тут я? Лаврентьев – не мой родственник. И даже не сослуживец.

– Не в том смысле.

– А в каком?

– Как я понимаю, дело повесили на тебя.

– Ну и что с того?

– Дело это – с душком… Скандальное. К тому же непонятное и необъяснимое с точки зрения логики и здравого смысла. Короче, дело – очевидный «глухарь». Вот и поспешили сбагрить. Кто-то тешит себя надеждой, что ты на нем сломаешь себе шею. Хорошо, если я ошибаюсь и сгущаю краски. Однако…

– Пожалуй, ты прав, – Алексеев с сожалением покачал головой. После паузы добавил. – И я знаю этого «кто-то».

– А кто, скажи, не знает? – Иванов улыбнулся, но грустно. – Спотыкнулась коса о камень… Вот и несется по округе лязг и скрежет.

Алексеев смиренно заметил:

– Бог терпел и мне велел. Да и… Немного осталось… Еще чуть-чуть и развяжусь.

– Чего-чего, а этого от тебя и слушать не хочу, – Иванов недовольно фыркнул. – Готов лапки сложить? Уступить поле боя другим? Кому?

– Молодым, идущим на смену, – вздохнув, ответил Алексеев.

– Рано сдаваться. Годы твои – не ахти. На здоровье не жалуешься. Куда собрался?

Алексеев пошутил:

– Юрисконсультом в коммерческую фирму.

– Ну и шутки у тебя.

– А что тут смешное? Бабки – приличные. Рабочий день, – он ладонями отмерил на столе, – от сих и до сих. Жена, между прочим, только за.

– Жена – не аргумент.

– Как это «не аргумент»?

– Все жены одинаковы и хотят одного, точнее двух вещей: чтобы денег побольше приносил домой и работал поменьше, чтобы сидел у подола и никуда.

– Ладно, не будем про жен.

– Про своих? Да. А про чужих?

– Ты кого-то конкретно имеешь в виду?

– Жену погибшего Лаврентьева… Говорят: красавица.

– И ты туда же? – Алексеев показал пальцем в потолок. – Был совет.

Иванов, посмотрев в потолок, спросил:

– Начальника отдела имеешь в виду?

– Ну, нет! Алдошин давно не вмешивается… Предоставил автономию… Да и ему не до меня: с молодежью нянчится, юнцов натаскивает.

– Значит?.. Опять тот, «кто-то»?

– Он, Георгий Фаддеевич, он. Мягко посоветовал держаться одного мотива – бытового.

– Ясно. А ты, выходит, не согласен?

– Как всегда… Я вот думаю: может, во мне вновь говорит извечный дух противоречий, столь нелюбимый начальством?

– Противоречия, Захарыч, заставляют мысль двигаться вперед.

– Благодарю за поддержку.

– Сожалею, но могу лишь морально поддержать.

– Это уже немало. Да… Воробьев сообщил важную, как он считает, информацию, имеющую, по его мнению, отношение к убийству Лаврентьева.

– Ну-ну… Это уже интересно. Скажи, если не секрет?

– От тебя? Секреты? Не смеши! Ты и твое ведомство знает столько, сколько нам и не снилось.

– Не преувеличивай, Захарыч, не переоценивай.

– Так вот… Через несколько часов после убийства Лаврентьева (с небольшим промежутком) появилось два трупа. Первый труп найден в лесопарковой зоне и с очевидными признаками умышленного убийства. Второй труп – в районе Эльмаша: сорок минут назад в ДТП погиб еще один молодой мужчина. Тут, внешне, – несчастный случай: напившийся в стельку водитель не вписался в поворот и долбанулся носом в придорожный столб. Мгновенная смерть.

– Так, – Иванов сморщил лоб, – не вижу связи.

– А Воробьев видит!

– Ну, может, располагает дополнительной информацией.

– Именно. Дело в том, что (с его слов, конечно) наш уголовный розыск вышел на погибших, как на возможных киллеров… По другому, правда, делу. Их ликвидировали, по мнению Воробьева, из-за причастности к убийству полковника Лаврентьева. Кто-то убрал исполнителей, чтобы оборвать нити.

– Уже яснее. Воробьев подозревает, что ДТП подстроено, чтобы убрать соучастника громкого преступления. А что, если простая случайность?

– Воробьев не верит в подобную случайность, когда выстраивается цепочка: сначала – заказное убийство, потом, спустя буквально несколько часов, – ликвидация матерых киллеров.

– А ты, Захарыч?

– И я не верю.

– У тебя, судя по всему, есть основания.

– Да… Но, Георгий Фаддеевич… Вмешалось одно обстоятельство, которое перемешивает наши карты…

– И «обстоятельство» также из уст Воробьева?

– Да… Речь идет об орудии убийства, которое…

Вновь дал о себе знать телефонный аппарат. Алексеев, не закончив фразы, спешно снял трубку. Это оказался долгожданный звонок.

– Да… Слава Богу, что закончили поквартирный обход. И результаты?.. Никаких?! Никто и ничего не видел и не слышал? Ничего подозрительного?.. Обидно… Досадно… Я так надеялся… Ничего не поделаешь… Ах, вот как! Хозяева двух квартир вам не открыли?.. Завтра днем посетите?.. Сообщение жду… Хотя шансы малы, что нам повезет: два из ста…

Алексеев положил трубку.

– Всегда веришь и надеешься, что фортуна повернется лицом, а не задницей, однако… Ты понял, о чем шла речь?

Иванов кивнул.

– Яснее ясного: нет ни одного свидетеля преступления.

Алексеев поднялся.

– Пошли по домам. Поздно.

Иванов удивленно вскинул глаза.

– Машину не собираешься вызывать? Ведь так поздно… И опасно…

Алексеев поспешил поддеть:

– А тебе не опасно по ночному городу выписывать крюки?

Иванов рассмеялся.

– И память у тебя.

– Следователю полагается. И… Чему суждено случиться, того не миновать. Я – фаталист.

– Что ты! Мне идти-то всего четыре квартала, а тебе – переться и переться. Жаль, что нам в разные стороны. А то бы за болтовней скоротали путь.

Они вышли на воздух. Еще острее чувствовались смешанные запахи цветущих вовсю сирени и черемухи, а иногда к ним присоединялся и терпкий аромат акации. Алексеев свернул налево, а Иванов пошел прямо, от самого начала улицы Малышева и почти в самый ее конец – без малого пять километров.

Час тринадцать ночи. Уже суббота. Несмотря на законный выходной, Алексеев вернется.

У Иванова, старшего следователя по особо важным делам управления Федеральной службы безопасности по Свердловской области, другие планы: на два дня уезжает за город, где у него деревенский бревенчатый домишко. И «дача» его на берегу прекрасного пруда. Глядеть – не наглядеться. Дышать – не надышаться. Далековато, правда, от города. Зато сколько преимуществ?!

Впрочем, Иванов вовсе не сбрасывает со счетов, что к утру все может измениться, и его грандиозные планы полетят псу под хвост. Так было и не раз. Однако надежда умирает последней. Банальность? Да, но без нее ведь тоже никуда.

Глава 2

«Святая троица» уже в Екатеринбурге

Не повезло

Полдень. Черноморское солнце палит нещадно. Так и кажется, что его лучи прожигают тело насквозь. На небе – ни облачка. И только там, на самом дальнем горизонте появились туманные, еще неясные полоски, похожие на гусиные перышки.

Из пучины морской появились трое – Чайковский, Фомин и Орлова. Прошлепали несколько метров и плюхнулись на золотую россыпь пляжного песка. Минут с пять так и лежали, не произнеся ни слова.

Первой, что вполне логично, нарушила тишину женщина.

– Нет, мужики, – с откровенными нотками романтичного восторга, который особам слабого пола очень даже присущ, заметила Орлова, – как все-таки прелестно отдыхать на берегу Черного моря!

– А как же! – не поднимая головы от песка, откликнулся со своего места Фомин. – Не в России же загораем, а в зарубежье, пусть даже если оно и ближнее.

Орлова не стала обращать внимания на язвительный подтекст в реплике коллеги и продолжала восхищаться:

– Какое солнце! Какой здесь воздух! Какой песок! Просто чудо!

– Госпожа Орлова, вы не правы, – с суровым притворством в голосе возразил Чайковский. – Чудо вовсе не в воздухе и даже не в солнце, а в том, что наш генерал сжалился над тремя рабскими душами и одарил своей милостью – недельным отдыхом в Крыму.

– Виновата, господин полковник, исправлюсь! – вскочив и вытянувшись в струнку, отрапортовала Орлова.

А сквозь все еще влажный купальник озорно и даже можно сказать несколько нахально выпирали (как у семнадцатилетней) две небольшие, но замечательные грудки.

– Капитан Орлова, умерьте пыл, – довольно меланхолично бросил Фомин. – Извольте не соблазнять начальство своими торчащими прелестями. Чайковский у нас по этой части слаб и может не устоять.

– Сказал же! – вновь укладываясь на песок, возразила Орлова. – В полковниках уже ходит, начальником следственного управления УВД области стал, а все женихается; ни одна баба не может его захомутать и окольцевать. Не мужик, а кремень.

– А все потому, что с пеленок в тебя, дорогуша, влюблен…

– За столько лет и я даже не заметила?

– Ты кроме своего семейного ангела-хранителя, муженька родненького, никого вокруг не замечаешь. Чайковский же особы, достойной тебя, не встретил. Умру, говорит, а своему идеалу останусь верен. Мне, говорит, уготована вторая жизнь. А там, – Фомин устремил свой перст указующий в небеса, – он и намерен соединиться с тобой.

Чайковский слушал эту трепотню и никак не реагировал. Он лежал, закрыв глаза, и только руки были в ходу: брал в пригоршни песок и тонкой струйкой сыпал его на голый живот. Но вот последние слова его заставили встрепенуться.

– Это когда я тебе обо всем этом говорил, а?

– Когда? – все также меланхолично переспросил Фомин. Не дождавшись реакции, сам же ответил. – Давненько уже… Я и не помню…

Еще что-то в том же духе хотел сказать Фомин. Но в этот момент над ними появился вертолет. Сделав круг, приземлился невдалеке от пляжа, метрах в пятидесяти.

Зоркий глаз Фомина сразу определил:

– Решили понежиться на солнце.

– Используя служебный вертолет? Вряд ли, – Чайковский слегка приподнялся и посмотрел в ту сторону. Он увидел бегущего в их сторону человека в форме. – Кажется, по наши души. Чует мое сердце.

Товарищ полковник, – еще издали кричал бегущий, – товарищ полковник!

Фомин пробурчал:

– Нашел себе товарища. Чайковский у нас давно уже в господах ходит. До чего же отсталый здесь народ. Хохлы, одним словом.

Тем временем Чайковский не на шутку встревожился: по пустякам вертолет не станут гонять. Встал и начал натягивать на все еще влажное тело пляжный костюм.

– Товарищ полковник, к нам поступило сообщение по факсу. Вас всех троих требуют домой. Немедленно!

– Что еще там стряслось? – по-прежнему меланхолично поинтересовался Фомин. – Может, собака у хозяина сдохла?

– Кажется, нет. Собака живехонькая, – посланный был невозмутим. – В сообщении говорится, что у вас начальник УгРо убит. Убит в подъезде собственного дома.

– Эти слова буквально подбросили Фомина над землей. Он молниеносно вскочил.

– Ты что?! Что несешь? Спятил? – взревел Фомин, ошалело крутя головой. – Моего шефа?! Убили?!

– Вашего или нет, но убили.

– Не может быть!

Фомин и Орлова также стали на скорую руку одеваться.

– Стрелявших задержали? – зачем-то спросил Чайковский. Сообразив, что глупее вопроса не придумаешь, сердито сплюнул под ноги.

– В сообщении ничего об этом нет. Сказано лишь, что убит тремя выстрелами. Три пули всадили.

– Но почему за нами послали?

– Не знаю. Я не знаю, что в данный момент в головах своего начальства, а про ваше…

Фомин высказал свое предположение:

– Очевидно, генерал решил расследование убийства поручить нам. Не иначе!

Через несколько минут все трое уже были в салоне душного вертолета. И, взвихрив песок, винтокрылая птица вспорхнула ввысь и скрылась за горизонтом.

Прохвост

Из Фомина бурно изливалась ярость.

– Нет, это надо же!.. Какая сволочь!

– Что за шум, а драки нет? – спросил Чайковский, входя в кабинет.

Он подошел к распахнутому настежь окну и залюбовался яблоньками, только что одевшимися в воздушный подвенечный наряд, состоящий из миллиона нежно-розовых соцветий.

– Будто невинные девочки… На выданье, – мечтательно произнес он.

– Кто? Где? Кто и на каком «выданье»? – Фомин дико вращал глазами и ничего не понимал.

– Да, о яблоньках я, что в сквере напротив. Как они хороши в эту пору! – Чайковский вздохнул. – Обидно, что слишком срок их цветения мал: еще пару деньков и лепестки окажутся на земле, пожухнут, и унесет их ветер в дальние края.

Фомин продолжал недоумевать.

– В лирики записался? Пора бы и скинуть оболочку курортника.

Чайковский, не обращая внимания на непривычное поведение Фомина – старого, доброго и верного боевого товарища, – сел за стол.

– Ну-с, господа, что мы имеем?.. Слушаю, майор Фомин.

– Да ни хрена мы не имеем! – все еще горячась, откликнулся тот.

– Ах, как ты не прав! Во-первых, прокурор Тушин подписал постановление о возбуждении уголовного дела по факту убийства начальника уголовного розыска.

– А еще имеем над собой начальничка, – ядовито добавил Фомин.

– Верно, друг. Создана оперативно-следственная бригада и возглавляет ее, как и положено по закону, старший следователь по особо важным делам областной прокуратуры Алексеев. Не горюй, что сейчас мы всего лишь на подхвате. Это, может быть, даже и лучше. Избежим каждодневного промывания мозгов, как минимум.

– Да уж… Только что разговаривал по телефону с Алексеевым. Зануда, чувствую, каких мало…

– Ты это брось…

– И «бросать» нечего. Ты, говорит, почему до сих пор не вышел на убийцу? А откуда я его возьму. Видишь, как все для него просто: пришел, увидел, задержал. И доставил пред светлые очи следователя.

– Теперь понятно твое буйство.

Чайковский ёрничал. Фомин же этого не замечал.

– Была нужда. Есть у меня проблемы и поважнее.

– Какие, если не секрет?

– Злюсь из-за Маврина. Мы с ним школу милиции вместе заканчивали. Способный. Семьями дружим… Теперь вот пришлось собственноручно препроводить прохвоста в ИВС. Завтра заканчиваются третьи сутки, надо будет предъявлять обвинение, без результатов экспертизы – никуда.

Эксперт

– Привет, мальчики, – прямо с порога затараторила Орлова. – Я не ослышалась, нет? Что-то вы тут про экспертизу?

– Спасительница ты наша, Зинуля, – изображая истинного джентльмена, Фомин галантно приложил свои уста к миниатюрной женской ручке.

– Я должна вас огорчить…

Фомин сразу встрепенулся.

– С анализами что-то?

– Нет, с анализами все в порядке…

– Ну, слава Богу, – оба офицера облегченно вздохнули.

– Я подготовила экспертное заключение: пистолет Макарова, из которого был убит начальник УгРо Лаврентьев, (хотя и спилен номер) – это табельное оружие Маврина. Это – во-первых.

– А что же тогда во-вторых? – спросил Фомин, сделав стойку, очень сходную с той, которую делают гончие, почуявшие добычу.

– Во-вторых, господа офицеры, на пистолете обнаружены не только пальчики Маврина.

– Чьи же еще? – чуть ли не в голос спросили оба.

– Свежие отпечатки пальцев лица, о котором я понятия не имею.

– Тогда – делай же что-нибудь! – воскликнул Фомин.

– Всенепременнейше, господин майор. Подготовила официальный запрос в Московскую центральную картотеку. Вполне возможно, что они там уже имеются. Если так, то нам скоро точно скажут, чьи эти пальчики.

– Тащи сюда официальное экспертное заключение, Зинуля, а я пока душу потрясу моего негодяя.

– Остынь, Фомин. Не пори горячку. Как бы нам самим не повытряхивали душу. Чую беду…

– Беда – не беда, но неприятность налицо.

Теперь и Чайковский стал проявлять нетерпение.

– Говори, Зинуля, не томи наши души.

– Она такая, – проворчал себе под нос Фомин.

– Дорогая ты моя, – Чайковский умоляюще глядел на женщину, – выкладывай все. – Фомину при этом незаметно погрозил кулаком. – Замолчишь ли ты, наконец?

– Молчу. Нем, как рыба. И даже больше, – Фомин стал постепенно входить в свое обычное слегка ироничное состояние.

– Маврин заявил отвод мне, как эксперту.

Теперь и Чайковский, кажется, начал терять самообладание.

– Что за чушь? Не верит в твою компетентность? Какие мотивы выдвигает?

– Он полагает, что не смогу быть объективной, так как лет пятнадцать назад я работала некоторое время непосредственно под его началом и могла затаить обиду. Так что…

– Вот мерзавец! – возмутился Чайковский.

– И я того же мнения, – все-таки вставил Фомин.

– Капитан Орлова, – Чайковский перешел на официальный тон, – чтобы через две минуты на моем столе лежало твое заключение. А с его отводом знаешь, что я сделаю?

Фомин хихикнул.

– Не стоит. Бумага жестковатая. Невзначай можешь и порезать кое-что из интимного.

Орлова же ответила:

– Слушаюсь, господин полковник. Как хотите…

Она повернулась и вышла из кабинета. Потом вернулась.

– А вы не забыли, мальчики, что он имеет на то полное законное право, а?

Фомин состроил на лице обиженную гримасу.

– За кого ты нас принимаешь, милочка?

– За отпетых болванов, а за кого же еще?

Она заливисто рассмеялась.

Фомин угрожающе встал.

– Ну, Зинуль, ну, погоди! Отольются мышке кошкины слезы.

Орлова, все еще смеясь, вышла из комнаты и потому не могла слышать последних слов Фомина.

Смех – смехом, идя к себе, думала Орлова, но история, кажется, начинает приобретать дурной оборот. И никто не может сказать, чем все это закончится. Во всяком случае, решила она, открывая ключом входную дверь своей лаборатории, надо немедленно по факсу отправить запрос в Москву: любопытно, кто еще держал в руках табельное оружие Маврина? И еще: какая во всем этом роль Маврина? Убийца? Нет, не похож он на злодея. Если не он, то кто? И как табельный пистолет мог оказаться в чужих руках. Похитили? Пусть так, но тогда новые вопросы: почему не заявил; почему молчит? Нет, тут явно много странного и совершенно непонятного. Где-то случайно обронил? Не заявил о потере, потому что боялся ответственности? Возможно все, но не в этом случае. Маврин – человек опытный и добросовестный. И ему ли не знать, какую опасность представляет находка-пистолет, попади в недобрые

руки? Вспомнив о своих «мальчиках», слегка поседевших вместе с ней, подумала: «Ох, не завидую им. Потрудиться придется изрядно, чтобы прояснить это загадочное убийство».

Глава 3

Начальство и подчиненные

В лаборатории

Дверь противно завизжала, и в ее проеме показался полковник Чайковский. Лицо его полыхало от возбуждения.

– Нет, ты только представь, Зинуля, – с порога завозмущался он, входя в экспертно-криминалистическую лабораторию, где Орлова копошилась над химическими анализами, – какие у начальства способности! Как умеет с самого утра испортить настроение подчиненным!

– И ты тоже? – с нотками иронии, не отрываясь от работы, спросила она.

– Я? Нет!

– Разве ты не начальство?

– Да. Но…

– Хочешь сказать, ты не такой? И выволочки не устраиваешь?

– Да, устраиваю. Но не так часто и не по утрам.

– Когда же?

– Все больше – под вечер.

– Это, полагаешь, лучше, приятнее для подчиненных?

– Думаю, да.

– А ты не ошибаешься?.. – она оторвалась от пробирки на секунду и хитро взглянула на полковника. – Впрочем, ладно… Выворачивай душу: что случилось?

– Да… все то же. На «ковер» изволил вызвать генерал. Гневается: неделя, мол, прошла, а оперативно-следственная бригада все топчется на одном месте, как (это его слова) медведь перед с… ем. На след убийцы, мол, так и не сумела выйти.

Чайковский смахнул со стула вальяжно разлегшегося огромного рыжего кота. Устроился сам. Кот же (в ответ на такую бесцеремонность пришедшего фыркнул, хотел было принять устрашающую позу, но, видно, передумал) важно и с величайшим чувством собственного достоинства протопал в сторону полуоткрытой двери и удалился из лаборатории, держа демонстративно хвост трубой.

– Всему свое время, – философски заметила Орлова. – Хотя… Чего хочет начальство, того хочет сам Всевышний.

– Ты все шутишь, а мне каково? Впрочем, чего это я слезу пускаю в дамскую жилетку?

Он встал и направился к выходу.

– Ты куда?

– Пойду. Попробую пораскалывать «орешек».

Орешек

Следственный изолятор. Комнатенка. Из карликового оконца, находящегося под самым потолком, еле-еле пробивается свет. Один стол. Несколько табуреток. В углу – пристроился майор Фомин, нервно теребя в пальцах какую-то бумажку. За столом – Чайковский. Напротив – намертво привинченный к полу табурет пока пустует. На столе – пусто: ни листочка бумаги, ни ручки.

– Арестованный на допрос доставлен, – доложил охранник, жадно поедая глазами полковника.

– Не арестованный, а задержанный… пока, – поправил его Чайковский. – Снимите с него наручники и – сюда, – он указал на стоящий напротив табурет.

В комнате повисла тягостная тишина. Никто первым не хотел ее нарушить. Не утерпел Фомин, сорвался-таки. Хотя Чайковский предупреждал.

– Ты чего с нами в молчанку играешь, сволочь!? Чего ждешь? Дипломатничания? Хрен тебе! Или выкладывай все, или я найду способ развязать тебе язык, так сказать, по-свойски.

– Чего он орет, товарищ полковник?

Фомин еще больше рассвирепел.

– Тамбовский волк тебе товарищ…

– Ну… хватит, Фомин, угомонись, – Чайковский с укором посмотрел в его сторону. – Как мальчишка!

Фомин примолк, спохватился, что наговорил лишнего. Подумал: «Теперь жди большущую «телегу».

– Вы меня вызвали на допрос или как? – спросил Маврин. – Без адвоката не буду давать показания.

Чайковский возразил:

– Да нет, адвокат в данном случае нам не понадобится. Я бы хотел просто поговорить, без протокола, как с коллегой.

– Да, так и поверил! Небось, звукозаписывающую аппаратуру установили?

Чайковский спокойно продолжал:

– Пойми, Сережа, убит наш и твой товарищ по службе. Убит из твоего табельного оружия. Ты хоть это-то не отрицаешь?

– Я не могу не верить результатам технической экспертизы.

– Ну, вот… Теперь только представь, что нам остается думать? На месте преступления найден твой пистолет Макарова и с твоими, подчеркиваю, твоими отпечатками пальцев на нем.

Чайковский умышленно скрыл тот факт, что на рукоятке пистолета обнаружены еще и другие, более свежие отпечатки пальцев.

– Встань на мое место: ну, как бы ты повел себя? Иначе? Сомневаюсь. Улики налицо, а подозреваемый, вопреки всякому здравому смыслу, молчит. Бессмыслица, согласись? Ты сам юрист и отлично все понимаешь. Так, может, откроешься, а? Рано или поздно отгадка придет, но как бы поздно не было… для тебя.

– Не пугайте: стреляного воробья на мякине не провести.

Чайковский оставался невозмутим.

– И все-таки, объясни: если ты не причастен к убийству (предположим такое), то, как твой пистолет очутился в руках злодея? Не по щучьему же велению? Или, может, все это происки дьявола, а?

– Не знаю я, не знаю! Сколько раз можно твердить одно и тоже! Неужели я – опытный эксперт-криминалист – не убрал бы свои отпечатки пальцев или оставил бы на месте преступления такую убийственную улику, как пистолет? За кого принимаете? За идиота?

Фомин снова взбесился.

– Нет, ты не идиот! Ты, отпетый мерзавец, поднявший руку на товарища по службе, отца двоих детей. Кончай волынить. Или я за себя не ручаюсь.

– Сережа, ты прости Фомина. Попробуй понять его. С юношеских лет вы были вместе, семьями дружили. И вот теперь человек, которому он бесконечно доверял, – убийца. Думаешь, ему приятно это все? Каково ему смотреть в глаза твоей жены? Что он должен сказать твоим детям?

– В том-то все и дело, – неожиданно вырвалось у Маврина.

Чайковский насторожился. Как гончая, почуявшая добычу.

– Что ты имеешь в виду? Что? Говори!

– Нет-нет, н-н-ничего…

– Мотивы? Говори, что вынуждает тебя молчать?

Чайковский буквально впился в него, пытаясь хоть что-то прочесть в его глазах, для чего даже привстал.

– Говори, что или кто принуждает тебя молчать. Хочу знать правду! Говори! Что-то личное? Так, да?

Поиск

Видавшая виды и вконец растрепанная милицейская «Волга», с большим трудом преодолевая уличные заторы, пытается набрать приличную скорость. Сержант, сидящий за рулем, всякий раз чертыхается, когда приходится переходить с одной скорости на другую. Как только брался за рычаг, в коробке скоростей что-то жутко-жутко свистело и скрежетало.

– Господин полковник, – наконец-таки решился он обратиться к Чайковскому, – вас не удивляет, что как только вам надо выезжать на место преступления, так в гараже УВД не оказывается ни одной приличной машинешки?

– Нет, не удивляет, Алексей, – привык. У меня все и всегда – наперекосяк. Судьба, видно, такая – все строит козни.

Сидящий сзади Фомин в один момент откликнулся.

– Какая к черту судьба! Рыкнул бы разок хорошенько на начальника гаража – и все было бы в норме. Столько прослужил, а по-милицейски разговаривать не научился.

Чайковский обернулся к Фомину.

– Что значит «по-полицейски»?

– Не знаешь?

– Нет.

– Будто бы! Не строй из себя идиота, так как сия шапка – не по тебе.

– Господин полковник, – вновь вступил в разговор водитель, – разрешите рассказать вам одну историю…

– Лучше на дорогу смотри, а то мы сами можем попасть в историю.

– Не сомневайтесь, смотрю, а все же разрешите, а?

– Ну, валяй, сержант.

– Сочинительством решил подзаняться или как? – съязвил все-таки Фомин.

– Нет-нет, мне один приятель рассказывал. В соседней области это было. Приехали туда из Москвы, из МВД социологи. Вздумалось им какое-то социологическое исследование провести среди личного состава УВД. Анкету на нескольких листах распространили. Ну… сами знаете, как у нас, – доверяй, но проверяй. Вот начальник политотдела (еще при КПСС было) тоже, кстати, полковник…

Фомин опять прицепился.

– Ты на что намекаешь?

– Оставь, Фомин, его, – заступился Чайковский, – пусть дорасскажет.

– Ну, вот, значит, начальник политотдела приказал: прежде чем собранные анкеты передавать социологам – показать ему. Для проверки. Мало ли чего могут понаписать милиционеры.

– А покороче нельзя? – снова съязвил Фомин.

– Никак нет… Перебирает, значит, он эти самые анкеты, изучает, одобрительно хмыкает. Десятка два уже просмотрел. Но вот на одной анкете задержался. Даже, если точно,

на вопросе: сколькими языками владеете? Заполнивший анкету офицер так ответил: «Тремями, а именно – русским, руководящим и матерным». Начальник политотдела возмутился столь низким уровнем подготовки офицера, поэтому решил поправить ответ, чтобы не стыдно было перед москвичами. Он зачеркнул ранее написанное, а поверх уже собственноручно начертал: «Двумями, поскольку руководяще-милицейский и матерный – это один и тот же язык».

Чайковский сдержанно заулыбался, а Фомин так просто залился в смехе.

– Ну, сержант, ну молодец! Нет, ты, Чайковский, оцени, как это похоже! Офицер, оказывается, владеет не *тремями*, а *двумями* языками. И какими! Чего стоит один руководяще-милицейский? – Фомин откинулся на спинку сидения и снова захохотал. – Не в бровь, а в глаз, Не сержант, а какой-то мудрец!

Водитель пробурчал себе под нос:

– Почему-то считают, что если сержант, то обязательно глуп, как пробка.

– Да, не считаю я так, Алешка, извини! Не подумав, ляпнул. Не обижайся.

– Чего уж там, – примирительно ответил сержант. – Выходите. Приехали. А я отгоню машину в сторону.

Чайковский вылез из салона машины. И, как ветром, улыбку сдуло с лица. Он увидел то, что его всегда раздражало, – толпу зевак.

– Что за митинг? – обращаясь уже к Фомину, добавил. – Попроси зевак отойти подальше от подъезда дома. Не цирк же!

– Это уж как водится, – ответил Фомин, – любопытствующих полно, свидетеля же – не найдешь… А где Зинуля?

– Подъедет. Минут через пятнадцать. А пока…

К ним подошла группа офицеров из местного отдела внутренних дел, в том числе и местный участковый.

Чайковский не стал скрывать недовольство.

– Как же вы так? Бывает разве такое? Совершено убийство. В подъезде жилого дома. Ни свидетелей, ни улик. Верхоглядство! Неужели надо напоминать, на сколько важен тщательный осмотр места происшествия по горячим следам. А сейчас? Что мы найдем? Столько людей перебывало. Попробуем, конечно, но…

Чайковский заозирался, пытаясь отыскать глазами Фомина.

Участковый догадался.

– Вон он, с гражданками общается.

Чайковский посмотрел в ту сторону, куда указал участковый. Увидел в галдящей толпе своего товарища. Ни слова не говоря, направился туда. Подошел, кажется, вовремя. Широкое и несколько смугловатое лицо Фомина сияло от восторга.

– Балагуришь? Делом кто будет заниматься?

– А я что делаю? Отойдем. Разговор есть, – удалились метров на пять от толпы. – Удача! Я разговорил бабёнок. И знаешь, на что наткнулся? На свидетеля! Видишь, стоит пацан?

– Ну и…

– Он видел убийцу!

– Что ты несешь?

– Не злись.

Чайковский зачем-то спросил:

– Сколько ему лет?

– Двенадцать. Но пацан шустрый такой. Живет в этом же доме и в этом же подъезде. Он хорошо знал Василия Алексеевича. На дворовой площадке иногда и футбол гоняли…

– Плевать хотел я на футбол, – раздраженно бросил Чайковский. – Давай о деле.

– Парень мне рассказал, что в тот вечер он возвращался от товарища. Когда уже подходил к дому, то увидел, как из его подъезда выскочил мужчина и скрылся за углом дома. Парень зашел в подъезд и на первой площадке увидел лежащего Василия Алексеевича, а невдалеке – пистолет. Испугался, говорит, поэтому убежал домой. Когда приехала полиция, то он уже не выходил: отец пообещал отодрать ремнем, если сунет нос.

– Но участковый утверждает, что он сразу же обошел все квартиры.

– У них он тоже был. Разговаривал с отцом, а парень находился в другой комнате. Ему наказали держать язык за зубами.

– А вот и я!

Это подошла эксперт Орлова.

– Что новенького? – спросила она.

Ответил Фомин:

– Единственное: ты сегодня необычайно пунктуальна – опоздала лишь на четверть часа.

– А ты, Фомин, необычайно наблюдательный…

– Поработай с мое, Зинуля. Да еще под мудрым руководством Чайковского.

– Ну, хватит ёрничать.

Чайковскому не терпелось поскорее осмотреть место происшествия, хотя в душе и понимал, что это ничего не даст, – пустая формальность. Улики и следы надо было искать тогда.

– Идем!.. Зинуля, ты выручала всегда, помоги и сейчас, хорошо? А ты, Фомин, позаботился бы о понятых.

Чайковский и Орлова направились к подъезду дома, где уже навели надлежащий порядок, – зевак оттеснили подальше.

Не прошло и пятнадцати минут, как появилась на улице Орлова.

– Увы, у меня ничего. Или почти ничего.

– Что означает «почти»? – Чайковский навострил уши.

– За истекшую неделю здесь перебывало много людей. Несмотря на это, я подумала: не поискать ли отпечатки пальцев – аналогичные тем, что обнаружены на пистолете, найденном на месте преступления.

– На дверной ручке?

– Нет, на ней бесполезно. А вот на стекле входной двери подъезда – вполне возможны. По опыту знаю: выходя из подъезда, люди механически протягивают руку вперед и толчком толкают дверь вперед. Тем более что на площадке, как сам видишь, полумрак.

– И сняла отпечатки пальцев?

– Да. Их там оказалось много. Придется поработать над идентификацией.

– Надежды мало, – Чайковский все сомневался, – но чем черт не шутит…

– Особенно, когда Бог спит…

Это явился Фомин, как ищейка, обнюхавший, ощупавший каждый закуток лестничной площадки.

– Ничего? – спросил Чайковский, заранее предполагая неудачу.

– Ну, почему же… Не ценишь, ой, не ценишь мои способности.

– Может, хватит шуточек?

– Почему бы и не пошутить, если такая удивительная находка?

– Не томи, майор, выкладывай, что еще у тебя там?

– Друзья мои, в том дальнем и темном углу я обнаружил пуговицу. И не простую, а от мундира убийцы.

– Не дури, парень!

Чайковский стал терять терпение.

– Вот!

Фомин протянул руку, и все увидели на ладони блестящую пуговицу. Никаких сомнений – от форменной милицейской одежды.

– Ну-ка, ну-ка, – Орлова взяла пуговицу. – Так и есть – остались волокна ткани и нитки. Удача! Мне не составит труда доказать, с какого мундира пуговица.

– Поехали, – Чайковский заторопился к машине.

Водитель сразу заприметил, и потому к их приходу машина уже вовсю тарахтела.

Усевшись поудобнее в салоне машины, Чайковский спросил:

– Да, протокол осмотра места преступления понятые подписали?

– Обижаешь, начальник, – Фомин стал переходить на свою обычную манеру общения.

– Мало ли… Мог и забыть о формальностях.

Глава 4

Алексеев подводит некоторые итоги

Свидетель

На другой день, прямо с утра в кабинете старшего следователя по особо важным делам областной прокуратуры Алексеева собралась в полном составе оперативно-следственная бригада.

Начал оперативное совещание хозяин кабинета.

– Итак – минуло семь дней, как был убит начальник УгРо, а что мы имеем, Чайковский?

– Мы имеем… Надеюсь, Илья Захарович, то, что известно каждому, не стоит докладывать?

– Разумеется.

– Два дня назад в СИЗО я побеседовал, так сказать, неформально с Мавриным…

– Без протокола? – уточнил Алексеев.

– Так точно. По-товарищески. В результате появились детали, проливающие некоторый свет на странности в поведении задержанного…

– Короче! – оборвал его Алексеев.

– Я в погонялах не нуждаюсь, Илья Захарович, – столь же жестко отпарировал Чайковский.

– Ну, извини.

– Установлена причина, по которой Маврин молчал, отказывался отвечать на вопросы следствия, – личная.

Алексеев недоуменно посмотрел в его сторону, но промолчал, а лишь встал, вышел из-за стола и подошел к окну.

Чайковский продолжил:

– Ситуация такова…

– Со слов Маврина, – уточнил со своего места Фомин.

– Ситуация такова, – повторил Чайковский. – Маврин за неделю до убийства познакомился с девушкой, в ресторане, за обедом. Она сама подсела за его столик. Разговорились. Назвалась Юленькой, студенткой. Потом мило попрощались. Он дал ей свой служебный телефон. Тогда же, под вечер она сама позвонила ему, пригласила к себе, поужинать. Он – не отказался. Вечер в интимной обстановке изрядно подзатянулся. Короче, лишь утром проснулся в постели красотки. Спешно засобирался и совсем забыл, что при нем был пистолет. Не проверил. И только в автобусе обнаружил отсутствие пистолета. Похмельная голова не позволяла никак сообразить, где и когда исчезло оружие. Подумал: выкрали во время посадки в автобус. Толчея там была. Но на всякий случай кинулся назад, к Юленьке: авось, там выронил. Приехал. Стал звонить. Никто не открыл. Вечером выяснил, что эта квартира сдается внаем одной фирмой. Сдается на сутки, двои – не больше. Используя служебное удостоверение, в фирме выяснил: квартиру на день сняла некая Юрина Ксения Васильевна. Через паспортную службу нашел эту Юрину. Но это – не Юленька. Она пояснила: потеряла паспорт (а, может, выкрали) примерно с месяц назад. Сейчас у нее новый паспорт.

Фомин добавил:

– Маврин сам нарисовал портрет той Юленьки. Составлен на этой основе фоторобот, начали розыск. Надеюсь, через пару деньков взять ее.

Алексеев вернулся к столу.

– Почему не заявил о пропаже табельного оружия? – спросил он.

– Не хотел огласки.

– На что рассчитывал?

Чайковский ответил:

– Надеялся самостоятельно найти Юленьку. Не успел. Его взяли.

– Несуразица… Зачем в молчанку играть, если по уши в дерьме?

Со своего места встал Фомин.

– Разрешите, господин следователь?

– Разрешаю. Только зачем уж так-то, формально? Да, – Алексеев вытащил из стола лист бумаги, – на тебя – «телега». Непотребно ведешь себя с задержанным. Это и есть плоды неформального общения?

– Грешен. Но это не имеет отношения к делу, Илья Захарович.

– Не понял. Как не имеет? Любая крохотная деталь…

Фомин храбро прервал Алексеева.

– Позвольте мне все-таки рассказать?

– Все слушают тебя внимательно. Я – в том числе.

– Маврин любит жену…

– Поэтому лезет в постель к первой встречной, – съязвил следователь.

Фомин пропустил реплику мимо ушей.

– До безумия любит свою двойню – мальчика и девочку.

– Он рассказал?

– Нет, так знаю.

– Как «так»?

– Я очень хорошо знаю Мавриных. Дружим.

– С кем?! – Алексеев ничего не понимал.

– С Мавриным и всей его семьей.

– Ну, ребята, чем дальше в лес, тем больше дров. Семь дней я возглавляю оперативно-следственную бригаду и только сейчас, по случаю, узнаю, что один из нас на дружеской ноге с подозреваемым. Вы что? С ума, что ли, все посходили?

Алексеев повернулся к Чайковскому.

– И ты знал?

– Да.

– И вы, Зинаида Ильинична?

Орлова утвердительно кивнула.

– Нет слов! Сматерился бы, но тут дама.

Фомин своей шуткой попытался разрядить обстановку.

– А вы про себя.

– Нет, вы только поглядите, он еще и шутит! Наглость какая!

Заступилась Орлова.

– Не обращайте внимания, Илья Захарович, – это он всегда так.

– Как «так»?

– Чем сложнее обстановка, тем больше он шутит. Помогает – ему и нам.

Алексеев, кажется, стал успокаиваться.

– Хорошо. Оставим это. Продолжай, Фомин.

– А я, собственно, все сказал.

– А ты, собственно, еще ничего не сказал, – Алексеев стал подстраивать тональность под Фомина.

– Ладно… Повторю: Маврин готов на все, даже на червонец несвободы, но не готов и не будет готов потерять навсегда жену, особенно – детей. Из-за этого и молчал. Ночь, проведенная с юной красавицей, стала роковой. Не изменял он жене – никогда!

– Да, ситуация… Но ему же все равно придется давать показания. Он понимает?

– Понимает, – откликнулся Чайковский, – но рассчитывает, что мы его пощадим и не станем о нем везде трезвонить.

Алексеев замолчал. Встал и вновь подошел к окну. Достал пачку «Явы», вынул сигарету, зажигалку, щелкнул ею, закурил. И тут спохватился.

– Зинаида Ильинична, вы позволите?

– Вы хозяин…

– Мы можем воспользоваться таким понятием, как тайна следствия, и попробуем воспрепятствовать утечке интимной информации. Но я рассчитываю на сотрудничество… В конце концов, проблема не в его амурных делишках.

И снова в кабинете повисла тишина.

Наконец, Алексеев обратился к Чайковскому и почему-то на «вы».

– У вас все?

– Нет, есть еще информация к размышлению.

– И также с сюрпризами?

– Это уж как вы посчитаете… Вчера, при повторном осмотре места преступления найден свидетель, который, по всей видимости, видел убийцу. Не Бог весть что, но хоть что-то.

– Ты, полковник, имеешь в виду подростка?

– Именно.

– Допросил?

– Да. Вчера же.

– Надеюсь, в присутствии педагога?

– Обижаете, Илья Захарович: я ведь тоже иногда заглядываю в уголовно-процессуальный закон.

– Это так, но… Впрочем, извини… Что-то интересное?

– Кое-что.

– А именно?

– Если верить его словам, то предполагаемый убийца выше среднего роста, крепкого телосложения, был в кожаном пальто и кожаной кепке на голове. Он считает, что именно его иномарка красного цвета стояла за углом дома, на которой он, видимо, уехал. На вопрос, смог ли бы узнать, встретив его, парнишка ответил утвердительно.

Алексеев восхитился.

– Мал, а наблюдателен.

– У меня тоже есть одна новость, – в разговор вступила эксперт-криминалист Орлова. – Вчера, при повторном осмотре места преступления я, как и предполагала, обнаружила отпечатки пальцев на стекле входной двери подъезда. С внутренней стороны. Там было много отпечатков, однако несколько (правда, не очень отчетливых) принадлежат человеку, который держал пистолет Маврина в руках.

– Вы уверены?

– Полностью!

– Это еще ни о чем не говорит.

– Я лишь констатирую факт.

– Хорошо… Значит, у нас все больше оснований предполагать, что Маврин не убивал.

– Если бы…

– Что ты, Фомин, имеешь в виду?

– Есть одно обстоятельство.

– Какое еще?

– Вам, наверное, докладывали, что я вчера в подъезде дома, где было совершено убийство Лаврентьева, пуговицу от полицейского мундира нашел.

– Ну и что? Уж не считаешь ли, что она от мундира Маврина?

– Уверен… теперь.

– А почему не убитому?

– В день убийства Лаврентьев находился в цивильном.

– Ах, да… извини

– Вчера сразу поехал в семью Маврина, попросил форменную одежду мужа показать. На одном из пиджаков обнаружил отсутствие второй снизу пуговицы. Изъял. Эксперт подтвердила: найденная пуговица от мундира из гардероба Маврина – все сходится.

– Допросили Маврина?

Ответил Чайковский:

– Маврин вновь ничего не может сказать. Единственное, что он точно помнит, – находился у красавицы именно в этом мундире. Когда исчезла пуговица – до встречи, во время оной или после нее – он не знает.

– Странно, – размышлял вслух Алексеев. – Многовато улик против Маврина, вам не кажется? А ведь вполне возможно, что кто-то его специально подставляет и этот «кто-то» великий ловкач.

Чайковский подтвердил:

– Мы убеждены – не один ловкач, как вы выразились, тут действует. Тот, кто стрелял, – лишь исполнитель черновой работы.

– Возможно, возможно… А что бы на нашем месте в этой ситуации сделал Шерлок Холмс, а? Если пофантазировать…

– Что касается меня, то увольте, – решительно возразила Орлова. – Холмс и наука, коей я занимаюсь, – несовместны. Вот Фомин – другое дело.

– А что? Да, скажу! Мистер Холмс, найдя на месте преступления пуговицу, заинтересовался бы, когда она попала на площадку первого этажа. И для начала бы уточнил, когда в последний раз делали уборку подъезда.

Алексеев явно заинтересовался.

– Ну и…

– Если уборка была и не раз, то Холмс пришел бы к выводу: либо уборка проводилась крайне небрежно, либо улику подбросили. Причем подбросили чуть ли не перед самым нашим приездом для повторного осмотра…

– Хочешь сказать, что у тех, кто убил Лаврентьева, есть свои люди в правоохранительных органах? Где? Кто?

– Болтунов хватает – и у нас, и у вас.

– Тогда, майор, тебе и карты в руки. В чем проблема?

– Нет проблем.

– Даже так?

– Конечно.

– Твоими бы устами да мед пить.

– Я принял меры – те же, которые бы предпринял мистер Холмс. Поручил участковому. Вот его рапорт. Хотите почитать?

– Потом, – отмахнулся Алексеев, – на досуге почитаю, а пока давай саму суть.

– Последний раз убирали подъезд накануне нашего приезда.

Алексеев засомневался:

– Пуговица могла закатиться куда-нибудь в угол или недоступное для тряпки или веника место. Сами знаете, какие у нас уборщицы.

– Но это не тот случай. Когда участковый ей об этом лишь намекнул, то женщина-уборщица оскорбилась: не неряха, говорит.

– Тогда – подведем итог: Мистер Холмс и Фомин убедили нас, что пуговицу подбросили. Подбросили либо накануне, либо даже перед самым вашим приездом.

Чайковский подтвердил:

– Только так.

– Но если мы принимаем за версию, то…

– Надо освобождать из-под стражи Маврина, – закончил фразу Чайковский.

– Ребята, я вас не понимаю: кто инициировал задержание Маврина – вы или я?

– Мы, – в голос откликнулись Чайковский и Фомин.

Фомин еще и добавил:

– Совершена ошибка, и надо немедленно ее исправить.

Алексеев оказался не готов к этому.

– Вот так поворотец! Но… делать нечего. Сегодня, сейчас подготовлю постановление об изменении меры пресечения… Заменим арест на подписку о невыезде. Думаю, прокурор согласится. Но… – Алексеев обвел всех взглядом, – до тех пор, пока не возьмем Юленьку, не изобличим ее в хищении пистолета, он будет оставаться под подозрением.

– Нам также надо, если не станете возражать, Илья Захарович, поискать болтунов-предателей в наших рядах. Я могу лично этим заняться. Это тоже ниточка, ведущая к клубку.

– Полностью на твоей стороне, полковник Чайковский, – поддержал следователь. – Только – поделикатнее, потоньше, ясно? Худо, если тень подозрения падет на невинного и порядочного человека, – потом глянул в сторону Фомина и добавил. – Прошу прощения, но о ваших художествах все-таки сообщу генералу вашему. Специалисты вы славные, но иногда делаете слишком крутые повороты, и вас на виражах явно заносит.

– Повинную голову и меч не сечет, – выходя из кабинета, обронил как бы невзначай Фомин.

Глава 5

Влюбленный спешит на помощь

Обольстительница

Бар «Серебряное копытце» был лишь наполовину заполнен, когда в зал вошли четверо – трое мужчин и дама. Откуда-то лилась приглушенная музыка. Лучи полуденного солнца с большим трудом пробивались сквозь плотно зашторенные окна. В зале было довольно-таки прохладно.

– Ух, благодать-то здесь какая!

Сказав, Фомин первым плюхнулся в одно из четырех кресел, окружающих столик, отстоящий от других несколько в сторонке. Фомин расстегнул две первые пуговицы рубашки. Из образовавшегося пространства выглянули клочья жгуче-черных волос.

Двое других мужчин замешкались: оба решили поухаживать за дамой. Из секундного единоборства победителем вышел более молодой и ловкий, а потому полковнику Чайковскому не оставалось ничего другого, как уступить.

– М-да, Фомин, – заметил он, удобно устраиваясь за столиком, – стареем, братец, стареем. Забываем об этикете.

Фомин, отвалившись на спинку кресла, прищурившись хитровато, не забыл съязвить:

– Утратил? Ты?! Этикет? Сроду его у тебя не было. Я прав, не так ли, Зинуля?

– И в самом деле, вы – не гусары. Впрочем, что с вас взять? Особенно ты, Фомин: экий, право, бурбон.

– А помнишь, Зинуль…

– О, конечно, такое забыть невозможно. Как же! Даме ручку поцеловал.

– Ну и женщина! И притом знает, что я ее люблю.

– Любить, возможно, и любишь, но странною любовью.

К ним подошел официант.

– Что будем заказывать, господа?

– А что посоветуете? – вопросом на вопрос ответил Чайковский.

– Рекомендую: салат «Демидовский», борщ по-уральски, на второе – сардельки купеческие, фирменные, на десерт – мягкое мороженое с орешками, а пить… – официант на секунду задумался.

И этого оказалось достаточно, чтобы Фомин взял инициативу в свои руки.

– Мужчинам – сто пятьдесят русской…

– На всех? – тут же уточнил официант.

– На каждого! Даме – шампанское.

– Какое?

– Получше. Из французских. Например, бургундское… есть?

– Да… Сухое или полусухое, сладкое или полусладкое?

– Ты какое, Зинуля, предпочитаешь?

– Пора бы запомнить.

– А, минуточку, сейчас вспомню… Даме – полусладкое и, конечно, охлажденное.

Официант собрался уходить. Но его остановила Орлова.

– Нет, погодите-ка. Мне – кофе, а шампанское, тем более французское, оставим на потом: авось разбогатею.

– Ты чего, Зинуля? – Фомина от гордости за самого себя аж распирало. – Плачу я. А кофе, само собой, всем.

Чайковский не удержался.

– Что это на тебя накатило? Банк грабанул или американский дядюшка наследство оставил?

Фомин вновь откинулся в кресле и, глядя в потолок, слишком уж меланхолично ответил:

– Делаю выводы… Из конструктивной критики.

– Все равно, Фомин, тебе за лейтенантом не угнаться.

– Согласен. Уж так он прыток… Мы с тобой больше пятнадцати лет пытаемся улестить нашу Зинулю. И что? Никакой реакции! А этот? Пришел, увидел, покорил.

Лейтенант Полозков решил также вступить в разговор.

– Я уже с вами десять дней, а все никак не могу понять, где вы шутите, а где серьезно.

– Даже не пытайся: все равно не поймешь. Этому в нашей школе не учат. Там теперь все больше этикету учат.

– Вот… опять, господин майор…

– Не опять, а снова, – возразил, не меняя тональности, Фомин. – Кстати, отныне – уже не майор.

Орлова и Чайковский в голос спросили?

– Неужели?.. Проскочил?

Фомин опять горделиво выпятил грудь.

– Да! Утром вызвал генерал. Сукин ты сын, говорит, в рубашке родился. Я стою и молчу. А про себя думаю: из-за того и хожу аж семнадцать лет в старших сыщиках.

Чайковский посочувствовал:

– Тебе всегда не везло.

– А что такое? – спросил Сергей Полозков.

– Да ничего особенного, юноша, – ответил Фомин. – Два года назад на погонах уже дырочку сверлил для очередной звездочки. Но… На мою долю выпало брать одного бандита. Помощнички мои зазевались, и он бросился бежать. Я – за ним. Я только-только раскочегарился, как он остановился, обернулся, вскинул руку. Я понял: мне – крышка, если промедлю. Ну… и пальнул. Я опередил его на какую-то долю секунды. Он тоже успел нажать на курок, но уже в падении, поэтому чуть-чуть промахнулся. Его пуля провизжала возле самого моего уха.

– Но вы же, господин майор, абсолютно правы…

– Это ты, юноша, так считаешь. А вот мое начальство тогдашнее иначе глянуло на происшествие. Мне в вину поставили, что не он меня, а я его продырявил.

Сергей недоумевающе глядел на майора.

– В тебя целятся и ты же виноват…

Чайковский пояснил начинающему сыщику:

– У начальства, Сергей, своя логика, и она не всегда понятна нам, простым смертным. Вот… Фомин промахнулся бы – тогда другое дело. Тогда дырку в нем прикрыли бы медалькой. Возможно, посмертно. Героем признали бы…

– Хватит, мужики, о прошлом, – Фомину эти воспоминания были неприятны. – Генерал мне сказал: «телега», которую накатил прокурор, малость где-то задержалась, и ему уже было поздно отзывать представление из МВД.

– Тогда пьем за подполковника Фомина, – предложила Орлова, – и пьем стоя… Я пью за тебя, Сашок! Прости за высокопарные слова, я пью за то, чтобы никогда не коснулась тебя бандитская пуля. Ну, будь! – она потянулась к нему. – Позволишь чмокнуть тебя?

– Почему бы и нет, сударыня? Губки или щечку подставлять, а?

– Изволь, голубчик, щечку твою шершавую.

Все чокнулись и выпили.

Вот и десерт подали на стол. И тут Чайковский неожиданно заметил:

– Господин подполковник, а вы не забыли на радостях-то, что у вас сегодня свидание?

– Это еще с кем? – Орлова, будто и в самом деле, оскорбилась. – Узнаю – я ей космы-то повыдергиваю.

– Да это он так, Зинуля, шутит. Сегодня – никаких свиданий не может быть. Иду домой и только домой. Этот вечер посвящаю семье. Вот гульбище закачу. Может, вечерком загляните, а?

– Извини, подполковник, но сегодняшнее свидание я тебе никак не позволю пропустить, – абсолютно серьезно сказал Чайковский. – Нельзя, чтобы юная обольстительница, которую мы с таким трудом вычислили, выскользнула из твоих мужественных рук.

– Побойся Бога, Чайковский, какое свидание?

– Ну, как же! О Юленьке забыл? О той, которая затащила в постель Маврина?

– Как!? – пораженная Орлова уставилась на Чайковского. – Вычислили и мне ничего не сказали? Мне, вашему боевому соратнику? Ну, нет, такого я вам не прощу!

– Вот черт! – воскликнул Фомин. – А ведь я и в самом деле забыл. Звездочка-то начисто отшибла память, – и уже обращаясь к Орловой, добавил. – Извини, Зинуля, но мы сами узнали ее координаты только что.

Чайковский продолжал:

– Предупреждаю, чтобы без фокусов. Не дури. Проведешь операцию, как условились, понял?

– Обещаю. Но мне не терпится. Так хочется сейчас же поехать и очаровашку Юленьку прямо в аудитории – под нежны рученьки.

– Выбрось из головы! Запрещаю даже думать об этом. Только по плану – вечером и на квартире!

– Договорились. Как-нибудь потерплю до вечера. Только ты не забудь предупредить следователя Алексеева.

– Уже…

– Ну? И?..

– Он поддержал наш план. Сегодня задерживаем, и помещаем на ночь в изолятор, утром – встречаемся.

Фомин воскликнул:

– Эх, как время теряем!

– Ты опять?

– Нет-нет, это я так.

– То-то же! Разве не знаешь, в каких случаях крайне необходима спешка?

– При ловле блох.

– Глянь-ка, Зинуля, у Фомина, кажется, эрудиция прорезалась.

Чайковский допил кофе. Взял в руки опорожненный графинчик, постучал козонками пальцев по нему и разочарованно произнес:

– Хороша бражка, да мала чашка

Фомин немедленно откликнулся.

– В чем же дело? Могу и повторить заказ.

– Не время, господин подполковник. Малость обмыли звездочку. И хорош! Водку надо пить в меру – говаривал когда-то Неру.

Фомин ответил тем же:

– Водку пей до сыта – рекомендовал Хрущев Никита.

– И в самом деле, пора, ребята, – прервала их Орлова. – Меня тоже на службе ждут.

Фомин рассчитался, и все вышли из бара. На улице, когда Орлова с Полозковым немного отдалились, Чайковский полушепотом спросил товарища:

– Думаешь, будет «поклевка»?

– Считаю, что да, – ответил Фомин. – Парнишка занервничал и даже лицом изменился. Похоже, мы на правильном пути.

Воробышек

Прошло полчаса. За это время Чайковский не присел ни на секунду. Он нервно передвигался из угла в угол по своему кабинету. Он ждал. Он верил. Но и сомнения где-то внутри грызли душу: а что, если ставка сделана не на того? Его нервное напряжение достигло апогея, когда дверь кабинета широко распахнулась, и вихрем влетел Фомин.

– Кажется, началось!

– Что «началось»?

– То, что и нужно.

– Не опережаешь события?

– Да нет же, нет! Успокойся. Все идет по плану. Воробышек заглотал наживку.

– Что ты имеешь в виду? – Чайковский недоверчиво смотрел в глаза Фомина и нервно теребил сигарету, из которой на пол сыпался табак. – Кончай ломать комедию. Сейчас не до шуток. Докладывай, как положено!

– Ну, хорошо. Успокойся. Не сердись.

– Ты сам успокойся. Не говори «гоп»…

Фомин вмиг посерьезнел.

– Докладываю, господин полковник. Записан на пленку его звонок в университет, в канцелярию одной из кафедр политехнического. Просил пригласить студентку четвертого курса Савченко Светлану…

– Не Юленька?

– Нет!

– Впрочем, этого следовало ожидать. Хотя, – Чайковский все также нервно достал из пачки новую сигарету, взял со стола зажигалку, щелкнув, прикурил, жадно и глубоко-глубоко затянулся, – вполне возможно, что его звонок чистая случайность и к нашему делу не имеет никакого отношения.

Фомин не согласился,

– Сейчас я уверен в обратном… как никогда.

– Не уверен, а самоуверен – так будет точнее. Остуди голову!

– Понимаешь, через несколько минут он повторит попытку связаться с Савченко.

– Что? Студентку не позвали?

– Ее не оказалось в аудитории. Вероятно, в столовую ушла.

– Как ведет себя наш «воробышек»?

– Нервничает. Не отходит от телефона.

– Невероятно! Неужели так глуп, что отсюда и сразу решил предупредить? Неужели он именно тот самый информатор, которого я ищу? Если это так, то все складывается слишком уж просто, – Чайковский с надеждой смотрел на Фомина. – Сашок, будь умницей! Не горячись! Не вспугни птенца! Не упусти. Береги его! Не спускай глаз ни на минуту. Следи, чтобы записывающая техника не подвела.

– Положись на меня, господин полковник, – обидчиво заметил Фомин. – Сколько лет вместе, сколько вместе дел раскрутили, и хоть раз подвел тебя в критическую минуту?

– Не обижайся, Сашок, пожалуйста. Сам знаешь: когда просто – жди подвоха. Вспомни, сколько раз «прокалывались»? Сколько раз думали; ну, все, черта держим за бороду. А потом оказывалось, что все это иллюзии наши. Ожегшись на молоке, невольно дуешь на воду.

– Я с тобой и, значит, все в порядке.

– Мне бы твой оптимизм!

Захват

В скверике, разделяющем на две равные части Главный проспект, в этот час было немноголюдно. Наверное, обычных завсегдатаев – влюбленных – вспугнула только что отшумевшая гроза. В воздухе стоял острый запах тополя. Из-под куцего хвоста уходящей за горизонт грозовой тучи вынырнуло солнце и сразу стало жарко, асфальтовая дорожка заструилась паром.

Сергей Полозков появился на пять минут раньше назначенного срока. Осмотрелся. Обрадовался. Их любимая скамейка, где они провели немало чудных минут, пустовала. Он присел. На него сурово взирал маленький человечек с гигантского постамента, простирая куда-то вдаль свою худосочную ручонку. Один из вождей мирового пролетариата, кажется, доволен своим положением и облюбованное место почти в самом центре города не собирается покидать. По левую руку вождя – госуниверситет, а по правую – оперный театр, перекрашенный после капитального ремонта в мышиный цвет. Сергей подумал: «Раньше театр выглядел с улицы наряднее».

На его скамейку в метре от него опустился парень лет двадцати пяти. Короткая стрижка, джинсы, кожаная куртка со множеством накладных карманов на ней, в руке – полураскрытая книжка в мягкой обложке, бульдожьи скулы медленно пережевывали жвачку. Не обращая внимания на Сергея, он уткнулся в книжку.

«Вот, черт, принесла его нелегкая!» – озлился Сергей на не прошеного соседа.

– Ждешь? – неожиданно услышал он.

Сергей огляделся, не понимая, кому адресован вопрос. Вблизи не было никого.

– Ждешь? – повторил вопрос пришедший, по-прежнему не отрываясь от книги.

– Жду… то есть… А вам какое дело? Я вас не знаю!

– А и знать тебе ни к чему. И не задавай вопросы, не за тем сюда пришел…

Парень замолчал, заметив молодую мамашу, толкающую впереди себя коляску. Она медленно прошла мимо и села на соседнюю скамейку, метрах в пяти от них.

Впервые парень оторвался от книжки и проследил за мамашей. Заметив, что та устроилась на скамейке не на минуту, встал, подошел к ней.

– Простите, мои часы остановились. Подскажите, который час? – обратился он к мамаше.

– Без четверти семь, – ответила та, мельком взглянув на наручные часики.

Нескольких секунд было достаточно, чтобы парню бросить взгляд внутрь коляски. Заметив розовощекую мордашку, сопящую в сладком и безмятежном сне, он еще раз извинился, отошел и вернулся на свое место.

Сергей настороженно следил за парнем. Он сразу понял, что тот неспроста подходил к женщине, и не «остановившиеся» часы были тому причиной.

– Что уставился? – злобно бросил он, вновь уткнувшись в книгу. – Гомик, что ли? Я – не баба, чтобы так рассматривать, – по-прежнему не отрывая глаз от книги, продолжил. – Говори тише и не верти головой. Слушай и отвечай на мои вопросы, ясно?

– Простите, но вы меня с кем-то путаете, – Сергей полез в карман, чтобы достать удостоверение личности. – Я – оперуполномоченный…

– Не гоношись! – рявкнул парень. – Заткнись, падла, – приглушенно прорычал он. – Я о тебе знаю все!

– Извините, нам не о чем говорить.

Сергей встал, намереваясь уйти.

– Сидеть! Парень сделал угрожающее движение телом, от чего скамейка жалобно застонала.

Сергей присел, недоумевающе глядя на парня.

– Вот так-то будет лучше. Будь паинькой, иначе… У меня, знай, с «ментами» подобного пошиба разговор короток. Я их готов давить как клопов.

– Что… что вам от меня нужно?

– Того, что и раньше, – информации… Светка не придет, ее ты больше не увидишь.

– Что вы с ней сделали? Вы… вы убили ее, да?

– Пока – нет. Она жива, с ней все в порядке. Предупреждаю: не ищи встречи с ней, понял? Потрахался, получил удовольствие и – будет. Теперь должок надо отдавать. Свою подстилку я за просто так под других мужиков не подкладываю.

– Вы… вы хотите сказать…

– Да, я хочу сказать, что Светка спит с тем, с кем я прикажу. Это ее работа. Она не любительница. Она профессионалка.

– Не верю!

– Мне и не надо, чтобы ты верил. Мне лишь надо, чтобы ты по-прежнему был в органах нашим стукачом.

Парень наконец-таки отложил в сторону книгу, вынул пачку с верблюдом на лицевой стороне, вытолкнул сигарету, щелкнул зажигалкой, прикурил. Все движения демонстрировали его полное спокойствие. Он вел себя так, как обычно ведут себя хозяева положения.

– Зачем звал Светку? О чем хотел говорить? Выкладывай! И побыстрее! Меня другие дела ждут.

– Я тебя не держу, иди своей дорогой, – Сергей перешел на «ты».

– Ну-ну, спокойно. Зачем распускать перышки, петушок мой дорогой? Говори, что хотел сообщить моей шлюшке?

– Ничего.

– Не играй со мной, добром прошу. Начал нам служить – служи. У нас – не у вас: любое колебание расценивается как предательство, а за такое всякого «накалываем» на булавку. Как бабочку.

Сергей лихорадочно искал возможность, чтобы выпутаться из истории, но ничего не приходило в голову. Он напуган. Он по-прежнему не верил, что его девушка – небесное солнышко – встречалась с ним, исполняя чьи-то задания. Скорее всего, думал он, ее запугали, принудив выуживать нужную информацию. Может, и в живых-то ее уже нет.

Парень вновь угрожающе зарычал:

– Жду! Долго молчать собираешься? А… Я и сам знаю: ты хотел сообщить, что мою шлюшку выследили «менты», собираются взять. Я ведь прав, да? Ну! Я прав?! Ты хотел предупредить об опасности?

– Хотел, чтобы… – Сергей окончательно был сломлен. Он с трудом выдавливал из себя слова, – чтобы она скрылась куда-нибудь. Ведь она ни в чем не виновата.

– Значит, я все-таки оказался прав. Забудь о ней! Я уже принял меры. Еще раз говорю: не пытайся ее найти. Предупреждаю: тот день, когда ты вознамеришься встретиться со Светкой, будет последним для тебя. Без понта! Ну, а я с тобой не прощаюсь. Ты мне еще сгодишься. И не раз!

– Эт-то точно!

Кипиш

Эти два слова, прозвучавшие где-то за спиной, поразили обоих. Сергей вжался в скамейку, съежился, оцепенел. Потому что голос этот с элементом постоянного сарказма был слишком ему знаком. Сергей сидел, не шелохнувшись, боясь даже повернуть голову.

Но не более секунды длилась растерянность его собеседника. Тот попытался обернуться и посмотреть, кто это его тревожит. Попытался, но щекой уткнулся в ствол. Правая рука молниеносно рванулась к карману.

Тот, кто находился сзади, тоже, видать, не промах и такую естественную реакцию парня предвидел: раз – и рука с пистолетом с силой опустилась на его руку выше локтя. Парень взвизгнул от боли.

– Спокойно, сударь, и без лишних движений, а то зашибу. Рука больно у меня тяжелая – сам не рад.

И все же парень не внял совету: он вскочил, видимо, пытаясь дать деру. Сокрушительный кулак опустился на плечо. Удар был настолько силен, что парень не устоял на ногах. Он взвыл от боли и упал.

– Нет, не так, лицом вниз, голубчик. И не дрыгаться. Руки на спину!

Тот повиновался. И наручники защелкнулись на его запястьях.

– Вот и ладненько! Вот и хорошо. Умненький да послушненький попался. Только-только так грозно рычал, а тут… Значит, дальнейшее наше общение не обещает быть затруднительным.

Наконец-то Фомин обратил свой взор на Сергея.

– Ну-с, свет Сереженька, чего сидим? Как невестушка на выданье.

– Что… что мне делать, – растерянно пробормотал он.

– Да, уж! Все, что ты мог, ты уже сделал. Прими благодарность за службу верную. Думаю, и другие по достоинству оценят твои заслуги.

В это время слева и справа, прямо через трамвайные рельсы к ним прорвались две милицейские машины. Из них выскочили люди в масках и камуфляжной форме, с автоматами наперевес. Увидев, что все уже сделано, остановились.

Фомин, глядя на них, сказал:

– Ну и видочик у вас. Вы так напугали моего клиента, что тот лежит и глаз поднять на вас не смеет. Как уткнулся в асфальт, так и лежит, – потом обратился к лежащему. – Встать! Чего разлегся? Не дома и не в постели любовницы!.. Обыскать!

Прибыла еще одна машина. Из нее выскочили Чайковский и Орлова.

– У тебя все нормально? – спросила подбежавшая Орлова, с обожанием глядя Фомину в глаза.

– Все в порядке, Зинуля, все в порядке. Есть, правда, один нюанс…

– Ты и без «нюансов»?.. Что такое? – встревожилась Орлова.

– Да, пустячок, – меланхолично ответил Фомин, – кажется, припечатав, малость не рассчитал силу. Вон, все еще сидит, будто очумелый.

– Тут ты верен себе, – бросил Чайковский, – сколько раз советовал быть поделикатнее…

– А что мне оставалось? Предупредил же: рука тяжелая, не рыпаться. Но нет. Попытал судьбу, вот и получил свое. Да и вооружен, кажется…

– Вы правы, господин подполковник, – это обратился к нему один из полицейских, обыскивающих молодца. – Смотрите, «ПМ»?

– А что я говорю? – Фомин горделиво смотрел на Чайковского. – Кажется, сыщик еще не потерял свой нюх и с интуицией все в порядке.

– Мальчики, осторожненько, – заволновалась Орлова, – осторожнее с оружием, на нем то, что представляет повышенный интерес для меня, – отпечатки пальцев.

Стала собираться толпа. Никто не видел начала истории, кроме Сергея да молодой мамаши с младенцем. Сейчас перед глазами толпы была вполне мирная картина.

И тут задержанный очухался, ожил, решил поработать на публику.

– Произвол! – истошно завопил он. – Чистейшей воды произвол! – и, показывая в сторону Фомина, продолжал. – Я сидел на скамейке, читал книжку, никого не трогал, а он подскочил сзади и ну, давай бить меня. Сбил с ног, а в карман засунул свою «пушку». Провокация!

Толпа зароптала. Фомин не мог оставаться безучастным. Подошел к своему клиенту.

– Да заткнись, ты, наконец! Не изображай из себя идиота. Не поможет.

А парень продолжал:

– Видите, слышите, люди добрые, он снова угрожает. Им все можно. Посмотрите, люди добрые, какой пистолет изъяли, якобы, у меня? Это – ментовская «пушка»! Откуда я мог взять такой пистолет?

Фомин не обращал внимания на усиливающийся ропот толпы.

– Ты перестанешь, неврастеник несчастный, визжать? – он незаметно для толпы показал ему свой весомый кулак. – Ты что же, любезный, доброго к себе отношения не понимаешь!?

Чайковский забеспокоился. Он решил прекратить спектакль, приказав ускорить процесс. Спустя минуту, клиент Фомина уже пребывал в спецмашине, откуда продолжали нестись его вопли.

К Фомину подскочил спецназовец и, указывая на все еще сидящего в оцепенении Сергея, спросил:

– А с этим что делать?

– Этот красавчик поедет с нами, – ответил Чайковский. – У нас с ним свой, особый разговор предстоит, – затем, уже обращаясь к Фомину, продолжил. – Кстати, распорядился, чтобы с этого «пятачка» сняли аудио и видео наблюдение?

– Так точно, господин полковник, – бодро ответил Фомин.

Глава 6

Кто в тереме живет?

Парильщики

В десяти километрах от города по Московскому тракту три года назад появились строители. В сосновом бору они расчистили площадку и, будто в сказке, за считанные дни возвели терем-теремок со спальными комнатами, баром на двенадцать мест, финской баней, небольшим плавательным бассейном, бильярдным залом и прочими атрибутами. Меблировкой занималась известнейшая шведская фирма, которая поработала на славу и сделала все, чтобы отдыхалось здесь легко и вольно.

Шоферы-дальнобойщики положили глаз на этот кемпинг. Но всякий раз их поджидала неудача. Из-за дубовой двери выходил молодой человек с накачанными мышцами, в белоснежной сорочке с бабочкой, черном строгом костюме и вежливо, но строго говорил: «Извините, господа, но свободных мест нет и не предвидится».

«Господа», потоптавшись еще чуть-чуть, возвращались в кабину, перекусывали там тем, что прихватывали с собой, и укладывались на отдых.

Однако не проходило и пяти минут, как подкатывала полицейская машина с мигалкой и суровый сержант вежливо, но твердо говорил: «Извините, стоянка грузового транспорта здесь запрещена постановлением губернатора».

Шоферы возражали: «Но запрещающего знака нет».

В ответ слышали: «Уезжайте, пожалуйста. Мне нечего больше сказать».

…Три машины – «БМВ» – с затемненными стеклами, «Вольво» ярко-красного цвета и микроавтобус свернули с Московского тракта и на большой скорости подкатили к теремку. В ту же секунду распахнулись дубовые двери кемпинга и оттуда высыпали спортивного вида молодые люди, профессионально подлетели к дверцам двух первых машин, помогая их пассажирам покинуть салоны.

Соблюдая субординацию, первым явился на свет тот, кто ехал в головной машине, – розовощекий толстячок лет пятидесяти. Отдуваясь и вытирая платком обильную лысину, не отвечая на приветствия, произнес:

– Уф, теплынь-то, какая!

Встречающие заволновались.

– Что, кондиционеры в машине не работают?

Толстячок сморщился и брезгливо бросил:

– Да, работают! Но все равно жарко.

Подошли двое, – те, кто ехали во второй машине. Обоим под тридцать пять, оба, несмотря на жару, в кожаных пиджаках и кожаных кепках, у обоих на шеях массивные золотые цепочки, а на ногах – черные полуботинки и выглядывающие красные носки.

– Пошли, мужики, потрепаться надо, – сказал, не оборачиваясь к ним, толстячок и направился к дверям. Потом остановился. – Что с баней?

– Все в порядке, «Хозяин», – откликнулся один из встречающих – «Старшой».

– Значит, сначала попаримся, – на лице его изобразилась слащавая ухмылочка. – Девки здесь?

– Так точно, – «Старшой» понимающе улыбался.

– В парилку их, к нам. Венички им в руки.

– Будет сделано.

– А я и не сомневаюсь. Куда ты денешься. Да, вот еще что: на девок наших, говорят, покушаешься. Ты мне смотри. Собственноручно и с корнем выдеру все твое мужское дерьмо. Понял?

– Клевета, «Хозяин», чистой воды клевета!

– На чужой каравай не вздумай рот разевать.

Когда они скрылись за дубовой дверью, метрах в пятидесяти от кемпинга прижалась к обочине патрульная машина с мигалкой, и затормозила. Из нее никто не вышел. Никто не вышел и из микроавтобуса; приехавшие оставались внутри.

На прицеле

Фомин пребывал в преотличном настроении, мурлыкая под нос мотив романса «Очи черные». И было отчего. Его ребята-сыщики только что закончили тотальную проверку машин типа «Вольво» красного цвета. Их в областном центре оказалось девятнадцать. Восемнадцать из них отсеялись. Под подозрением осталась лишь одна за номером 29—16 СВА, принадлежащая российско-австрийской фирме «Кондор». Глава фирмы Василий Максимович Стариков хорошо известен в области, особенно в кругах предпринимателей.

В 1982 году Старикова арестовали. Потом судили за спекуляцию дефицитными в то время музыкальными инструментами. Срок получил – десять лет с конфискацией.

Прошло пять лет. Атмосфера в стране стала меняться, началась демократизация общественной жизни. Тогда-то и заговорили вслух о «невинно осужденном» Старикове: дело, мол, было сфабриковано чекистами; он не спекулянт, а борец с тоталитарным коммунистическим режимом. За свободолюбие парня упрятали за решетку. Началась кампания за его вызволение. Появился даже общественный комитет.

Постарались и газеты, создавая его новый образ – образ демократа.

В 1987 году ворота одной из колоний Нижнего Тагила распахнулись, выпустив на свободу еще одного сторонника новой жизни. Толпа поклонников горячо приветствовала Старикова.

Еще спустя пять лет неожиданно для всех Стариков занял пост вице-президента чекового инвестиционного фонда, а еще спустя два года – оказался в кресле президента совместной российско-австрийской фирмы «Кондор».

Эти строки биографии для Фомина не представляли пока интереса, поэтому все написанное он пробежал мельком. Привлекла его внимание лишь одна, но существенная деталь: полгода назад для президента фирмы «Кондор» была приобретена новая машина «Вольво» красного цвета, а водителем стал некто Николай Рожнев, недавно освободившийся из мест лишения свободы. Причем сидел он в той же самой колонии, что и Стариков, одновременно с ним.

Старикову, правда, повезло больше, и он освободился на пять лет раньше, а Рожнев отбыл свой срок за разбой от звонка до звонка. Негласные осведомители сообщили, что Стариков сошелся с Рожневым, поддерживал с ним приятельские отношения. Выйдя на свободу, Стариков пытался помочь и Рожневу по досрочному освобождению, но это не удалось.

И еще. Если верить негласной проверке, то получается, что именно у Рожнева нет алиби: в момент убийства начальника УгРо Лаврентьева машина отсутствовала в гараже, не было ее и на стоянке у офиса, хотя сам Стариков в это время принимал гостей и был на месте.

– Так убил он или не убил – вот в чем вопрос, – произнес вслух Фомин.

– Тихо сам с собою ты ведешь беседу?

Это в кабинет вошел полковник Чайковский.

– Да, вот гадаю, на том ли мы пути.

– Ну и как? Есть результат? А, может, погадаешь еще и на кофейной гуще?

– Настроение, вижу, у тебя на подъеме. Отчего бы это, а?

– Только что разговаривал с Алексеевым. Он высказался в том смысле, что начинает несколько проясняться ситуация с убийством Лаврентьева.

– Ну, это он преувеличивает, – выразил сомнение Фомин, – мы еще где-то в самом-самом начале…

Чайковский возразил:

– Согласись, кое-что нам удалось: несколько дней назад мы вообще шли по ложному пути и, кроме Маврина, у нас не было ничего.

– Как ты думаешь, – Фомина волновало свое, – если Рожнев убил начальника УгРо, то какой мотив самый вероятный? Месть?

– Ну, если каждый уголовник будет всякий раз убивать по полковнику… – Чайковский задумался, – нет, только не месть.

– Тогда что? Ведь пути Лаврентьева и Рожнева никогда не пересекались. Более того, даже не соприкасались. Я проверил.

– Задачка, конечно. В этом суть проблемы.

– Может, бытовуха?

– Ну и загнул же ты!

– Но почему «загнул»? Почему бы не проверить и такую версию (кстати, мы ее вообще не касались), как убийство на почве ревности.

– Вон куда тебя понесло.

– А почему бы и нет? – настаивал Фомин. – Можно же предположить, что у жены Лаврентьева, а она бабенка очень смазливая и в самом соку, объявился молодой любовник и любовник этот Рожнев. Лаврентьев, естественно, мешал, вот и решил Рожнев убрать соперника.

– Ерунда! – Чайковский для убедительности даже стукнул ладонью по столу.

– Ну почему «ерунда»? Почему сходу отвергаешь эту версию? Не было, что ли, подобных преступлений? Вспомни!

– Были, согласен. Но это не тот случай.

– Может, я не прав, но мне кажется, что она либо что-то знает, либо о чем-то догадывается, но нам не говорит.

– Кто «она»?

– Жена, конечно.

– Даже если это и так, то нам все равно «давить» никто не позволит. Да я и сам не соглашусь. Это аморально.

– И все же я прощупаю эту версию, – продолжал настаивать Фомин.

– Опять лезешь на рожон.

– Буду осторожным.

– Ну, как знаешь… Я бы склонился к другой версии…

– Ты о чем? – Фомин насторожился.

– Мне кажется, это заказное убийство.

– Если это так, – Фомин задумался на секунду, другую, – то получается, что Лаврентьев – вольно или невольно – перешел дорогу сильным мира сего. Или случайно ему стало известно нечто такое…

– Вот его и убрали, – закончил его мысль Чайковский.

– В этом есть кое-что, – согласился Фомин.

– Тогда за работу, господин подполковник. А то, гляжу, волынишь много.

Фомин, кажется, обиделся.

– Еще чего? – сказал он и отвернулся к окну.

Хозяева

Трое гостей, точнее – реальных хозяев, прибывших в кемпинг, – сидели в гостиной, только что вернувшись из бани. Не одеваясь, а лишь слегка прикрывшись полотенцами, они сидели за столом, накрытом по всем правилам «новых русских», – стол ломился от яств.

Толстячок, еще больше порозовевший после парилки и купания в бассейне, утонул в кресле.

– Хряпнем, мужики, по рюмашечке, за легкий парок и за наших чудных парильщиц, – предложил он.

– Хорош все же «Камю», настоящий напиток. «Наполеон» ему и в подметки не годится, – разглядывая содержимое рюмки на свет, произнес «Музыкант».

– Особенно того разлива, которым торгует твоя фирма, – съязвил «Хозяин» в ответ на реплику «Музыканта».

Тот промолчал, накладывая на кусок черного хлеба толстый слой красной икры. Он закусывал, чавкая и причмокивая, видимо, этим выражая свое удовлетворение.

– Ну, ты даешь, – «Хозяин» осуждающе смотрел на «Музыканта». – Стыдно! Жрешь икру, как черт знает что.

«Музыкант» оторвался от бутерброда, зло сверкнув глазами.

– Чего ты строишь из себя денди? – прорычал он. – Мы тут одни. Мы из одного корыта едим, из одной кадки пьем.

– Кончай, братва! – обратился к ним третий, именуемый братанами как «Дикой». – Чего вы, в самом деле, из мухи слона делаете.

– Извини, «Музыкант», – «Хозяин» примирительно протянул тому руку, – я пошутил и, кажется, неудачно.

Они обменялись рукопожатием. И в это время в гостиной появились девчонки.

– Кажется, ссора? – изумленно спросила одна из них, жгучая брюнетка. – Ну, вас нельзя оставлять одних.

Стараясь еще больше разрядить атмосферу, «Хозяин» притворно изумился, глядя на прислонившуюся к нему брюнетку.

– Ты как посмела войти сюда в таком виде?

– А что, милый попечитель, я тебе не нравлюсь? – озорно выпячивая свои голые груди, спросила она.

– Это что? – он взялся за крохотные плавочки. – Форму нарушаешь? Долой! – одним движением он сорвал с нее единственную деталь ее нижнего белья. – Вот это уже совсем другой вид, – и он шлепнул девку по голому заду.

Та притворно взвизгнула и вскочила к нему на колени.

Глава 7

Дело набирает обороты

Просьбица

Парень сидел один в комнате для допросов вот уже пятнадцать минут. Сидел и недоумевал, а потому нервничал.

Конвоир, доставивший его сюда из камеры, ни слова не говоря, вышел, оставив одного.

Парень не понимал, что происходит: сказали, что ведут на допрос, а тут – никого.

«Тут что-то не так, – думал он. – Раз „ментов“ нет – значит, их что-то задержало. Что? Нечто непредвиденное. Уж не с ним ли связано?»

Он пошевелил кисти рук, и за спиной звякнули «браслетики».

– Эй, начальник! – крикнул он.

Дверь приотворилась. Конвоир равнодушно спросил:

– Чего?

– А ты не слишком-то любезен, братец.

– Нашел «братца», – проворчал тот и вновь спросил. – Чего?

– Руки затекли…

– Ну… и что?

– Сними «браслетики», а? На худой конец, хоть ослабь… Будь человеком, а?

– Еще чего: не положено. Такого приказа не было.

– Скажи хоть, долго еще мне с этими побрякушками сидеть?

– Терпи, казак, – атаманом будешь, – попытался пошутить конвоир.

– Я? Буду! А вот ты – никогда. Холуем был, холуем и на позорно нищенскую пенсию уйдешь.

– Не серди меня, парень: в сердцах и двинуть могу.

– Не имеешь права.

– Ишь, какой «правовед» выискался. За двадцать-то годков службы насмотрелся на таких, как ты. У нас здесь так: тот прав, у кого больше прав, понял?

– А я жалобу на тебя напишу…

– Вот это – пожалуйста… хоть тыщу. Времени у тебя много – пиши.

– Слушай, начальник, есть идея, – парень резко сменил тон. – Дай ручку и какой-никакой клочок бумаги. Записку напишу… родственникам. А ты им передашь. Они тебя щедро отблагодарят.

– Ты, как я понимаю, на лапу предлагаешь? Взятку?

– Да, нет: мои близкие – люди, умеющие ценить добро. Не поскупятся. Больше суток я здесь… Они, видать, волнуются, искать еще начнут. Не бойся, я ничего такого не напишу… Сообщу лишь, что ненароком угодил в «казенный дом».

– Заманчиво, ясно…

– Ну-ну! А я что говорю? – парень обрадовался сговорчивости конвоира.

– Однако зачем записку писать? Я тебе лучше сейчас факс-аппарат притащу, и ты передашь все, что вздумается, – быстро, удобно и, главное, – на-деж-но.

В голосе конвоира нельзя было не заметить сарказма.

– Нет, я же серьезно! Если не записку, то забеги и на словах передай. Сходи, будь человеком…

– Человеком? – переспросил конвоир. – С какой стати? Такие, как я, для вас всегда были одним – «мусором».

– Прояви благоразумие, сходи, а?

– Ты явно нарываешься еще на одну статью УК…

– Еще на одну? За мной – ничего нет. Чистёшенек я, как стеклышко… А здесь – по недоразумению.

– Все вы так говорите, когда попадаете сюда. Но, судя по всему, за тобой – о-го-го… Много чего тянется… Иначе изолированную «квартирку» бы не представили, – за его спиной послышались тяжелые шаги. – Да… Вот и те, по ком душа твоя затосковала.

Конвоир отступил в сторону, пропуская в комнату для допросов Чайковского и Фомина.

– Ну-с, судари, о чем беседа? – спросил Фомин.

– Господин подполковник, гражданин, вот, просит записочку передать родственникам.

– Надеюсь, хоть за приличное вознаграждение?

– Так точно, господин подполковник. В обиде, говорит, не буду.

– Ну, а ты, Максимыч? Поди, стал отказываться и кочевряжиться?

– Никак нет… Не дурак…

– Даже так?..

– Я ему посоветовал воспользоваться более современными средствами связи.

– Например?

– Пообещал доставить сюда факс-аппарат.

– Гражданин согласился?

– Мой совет ему чем-то не приглянулся.

Чайковский спросил:

– Задержанный в самом деле предлагал взятку?

– Какие могут быть шутки, господин полковник.

– Тогда – с тебя рапорт по всей форме. А мы подумаем, что с ним делать.

– Слушаюсь, господин полковник.

– Да, кстати, – Чайковский спохватился, – сними с задержанного наручники на период допроса.

Расслабление

В гостиной загородного кемпинга вовсю шло расслабление. «Хозяин», развалившись, глубоко утонул в кресле. На подлокотнике уместилась брюнетка, а на ее голой заднице нашла упокоение пухлая рука «Хозяина». Две другие девочки, но уже откровенные блондинки, усердно обхаживали своих партнеров.

Официант вкатил столик, на котором стояли три горшочка и лежали приборы. Сразу распространился дурманящий запах жаркого. Это блюдо готовилось здесь исключительно для мужчин и по старинному русскому рецепту. Причем, для каждого индивидуально. Так было заведено.

Минут на пятнадцать в гостиной установилась тишина, прерываемая лишь звяканьем столовых приборов и стуком рюмок с отменным коньяком.

– Ну, братва, вкусили пищи – теперь и о деле потрепаться пора, – сказал «Дикой», снимая с груди накрахмаленную салфетку и вытирая ею свои жирные губы.

«Хозяин» одобрил.

– Верно, девки, вам пора принять душ, привести себя в порядок, а нам настало время о делах мужских потолковать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.